Вурдалак

Автор:
Сергій Пономаренко

Вурдалак

Сергей А. Пономаренко

Начало XX века. В Чернигове исчезают молодые люди, а их тела находят обескровленными. От хирурга Куроедова молодой врач Владимир Шульженко узнает древнюю легенду о черниговском упыре, обозном Дунине-Борковском. Тогда, пару веков назад, город был повержен в панику и ужас. Что, если история повторяется? Но следователь Катасонов не верит в мистику. Тогда Владимир начинает собственное расследование. Он подозревает, что и сам следователь не так честен, как кажется. А тем временем появляются новые жертвы. Монстр из преданий снова вышел на охоту. Или же кто-то реальный прячется за маской упыря…

Сергей Пономаренко

Вурдалак

© С. Пономаренко, 2018

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые…

Мф. 8:28

Если и была когда-нибудь на свете непреложно доказанная и подтвержденная история, то это – история вампиров. Она ни в чем не испытывает недостатка – ни в официальных отчетах, ни в свидетельствах высокопоставленных особ, хирургов, священников, судей; все законные доказательства налицо.

Жан-Жак Руссо

Пролог

Чернигов. 1702 год

Город-крепость походил на растревоженный муравейник, со стороны Торговой площади доносился грозный гул голосов, предвещающий бурю. На небольшом «пятачке», зажатом между бревенчатыми домами окольного града[1 - Черниговский окольный град – самая многолюдная ремесленно-торговая часть города.], казалось, собралось население всего города и слободок. Такое бывало, только когда требовалось сплотиться перед надвигающейся бедой. Кто только не угрожал за многие столетия славному городу Северской земли: печенеги, половцы, поляки, татары, османы – всех не перечесть! Да и братья-славяне не раз наступали на него с огнем и мечом!

На этот раз угроза исходила не от внешнего врага, дьявольская опасность подстерегала внутри самого города, невидимо затаившись в домах, на улицах, в переулках, выжидая удобный момент для нанесения смертельного удара. На колокольне древней каменной церкви Святой Параскевы Пятницы два раза ударили в колокол, и, словно испугавшись чего-то, колокольный звон стих.

Пробирающийся в толпе казак Нечай Куделя имел строжайшее поручение от черниговского полковника Ефима Яковлевича Лизогуба, в силу возложенных на него обязанностей полкового есаула, пресечь беспорядки на площади и

изловить смутьянов, распускающих клеветнические слухи. Куделе уже стало известно, что послужило поводом волнения горожан.

Утром в реке Стрижень, протекающей возле укреплений верхней крепости, возле Гноевой дамбы, выловили обескровленное тело дочери казака Черниговской сотни Остапа Перебийноса – Марийки. Это была уже вторая смерть, до этого в реке нашли тело молодой жены скорняка Свирида Качуры из Предградья. Сам характер умерщвления жертв говорил о том, что это мог сотворить лишь нелюдь. При обнаружении первой жертвы появились робкие слухи, что молодую женщину замучил не иначе как мертвец-упырь, выпив из нее кровь. А вскоре было втихомолку названо имя упыря – не так давно умершего генерального обозного Войска Запорожского Василя Касперовича Дунина-Борковского, о котором еще при жизни, особенно в последние годы, ходили загадочные слухи. Хотя казак он был известный, много сделавший для города в бытность свою здесь полковником – после владычества ляхов отремонтировал за свой кошт несколько церквей и построил новые, городскую крепость сделал неприступной. Да только он обладал нравом крутым и жадностью непомерной. К тому же мертвые тела замученных горемык были найдены недалеко от того места, где стояло его имение.

Магистрат[2 - Выборная гражданская власть в Чернигове, но при верховенстве власти черниговского полковника. Имелась еще одна ветвь власти – назначенный царем воевода, в подчинении у которого находились стрельцы из Московского государства.], умело маневрируя, сумел найти способ снять накал недовольства и успокоить городскую околицу, когда речь шла о смерти простой женщины из слободки. А вот смерть дочери известного и уважаемого казака Перебийноса вызвала бурю возмущения, и полковая старшина во главе с полковником была вынуждена вмешаться.

Смутьянов, распускающих клеветнические слухи о покойном казацком старшине, есаулу было приказано изловить и отвести в «холодную», где учинить им допрос – уж не за золото-серебро ли ляхов они эти слухи распускали? Есаул должен был людей успокоить обещанием разыскать нечестивца-душегуба. Ведь дело это непростое, да и не ко времени – по приказу славного гетмана Ивана Мазепы полковник Лизогуб собрал возле города полковые сотни, наметив в ближайшие три дня выступить в составе объединенного гетманского казачьего войска в поход, чтобы принять участие в войне, какую вел царь Петр I со шведами. Но могло ли войско покинуть главный полковой город, когда в нем неспокойно и нельзя предугадать, к чему возникшая смута может привести?

Ведь голытьба только и ждет повода, чтобы начать грабить. Ничего особо загадочного в мученической смерти девиц не было – вокруг Чернигова стояли уже не один день восемь тысяч казаков Черниговского полка, прибывших из разных мест. Хотя объявлено было о строжайшем запрете продавать им водку и прочие хмельные напитки, о случаях пьянства уже было известно, а, как говорится, «где опьянение, там и грехопадение!». Безделье для войска во много раз хуже военных действий!

Еще тут находился отряд воеводы-боярина Краснощекова. Стоял он в Солдатской слободке, под верхней крепостью, насчитывал тысячу стрельцов-московитян, а они ласые до прелестей местных девиц! Что у москаля на уме, только черт и знает! Не так давно боярин Бутурлин с отрядом стрельцов по приглашению ясновельможного гетмана Мазепы посетил с инспекцией крепость Батурин. Так двое москалей из боярского почта ночью хитростью пробрались в гетманскую скарбницу и похитили изрядно денег и ценностей. По жалобе гетмана эти москали были изловлены и прилюдно казнены в Москве.

Так что никакой тайны в произошедшем с девицами не было. Свои казаки или москали замешаны в этом, дознаться было нетрудно, только времени на это не было: полк вскоре будет выступать в поход, и ничто не должно было его тут задержать!

На Торговой площади по субботам продавали свой товар селяне из окрестных хуторов и сел, а по большим праздникам проходили ярмарки. Здесь всегда было людно, однако такого количества людей есаул тут никогда не видел, хотя служил в Черниговском полку более полутора десятка лет. Услышав грозный людской гул, как в бурю на море, есаул понял: выполнить наказ полковника будет чрезвычайно трудно. Даже десяток казаков-молодцов, назначенных ему в подмогу, с этим не справятся. Надо здесь действовать не силой, а хитростью, а то легко голову можно сложить непонятно за что.

Люди заполонили всю площадь и прилегающие улицы и улочки. Собрались мещане, торговцы, жители слободок, ремесленники и местные казаки. Площадь бурлила, словно закипевшая вода в самоваре. Разномастную толпу объединяли гнев, злоба и желание выплеснуть их наружу. Толпа в слепой ярости безжалостна, разумные доводы она не приемлет, и ей всегда нужна жертва, о чьей степени виновности или безвинности будут рассуждать после, когда накал страстей спадет. Есаул понимал, что применить силу, находясь внутри толпы, – значит рисковать жизнью и своей, и находящихся при нем казаков.

Протолкаться в самый центр площади, где крикуны вели зловредные речи, распаляя толпу, даже с помощью дюжих казаков ему не удалось. Он понимал, что, применив оружие, обратит на себя ярость толпы и его вместе с казаками сметут в одно мгновение. Полковой есаул был казаком не только смелым, но и рассудительным, поэтому не торопился бездумно выполнить приказ сурового полковника, хотя понимал, что тем самым вызовет гнев вельможного.

Внезапно по собравшейся на площади многотысячной толпе прошло волнение, как бывает на море перед штормом, и она двинулась, увлекая за собой есаула с его казаками, беззащитными перед ее слепой силой. Толпа ручейком просочилась через ворота за пределы городских стен, где снова обрела силу и двинулась в направлении Елецкого монастыря. Работая локтями и кулаками, есаул неуклонно продвигался к голове образовавшейся колонны, где находились зачинщики беспорядков. С большим трудом, но ему все же удалось пробиться туда, когда они уже были на территории монастыря.

Длинной змеей люди двигались вдоль монастырских сооружений, приближаясь к белоснежному Успенскому собору, гордо вознесшему высоко в небо три свои золоченые главы. Есаулу стало понятно, что направляются они к усыпальнице Дунина-Борковского, и это не сулило ничего хорошего. Предводительствовали здесь казак Перебийнос и скорняк Качура.

– Стійте! – что есть силы крикнул есаул, оказавшись почти у них за спиной. – Ім’ям нашого полковника Якова Лизогуба наказую вам зупинитися і припинити це неподобство!

Остап Перебийнос оглянулся и злобно уставился на есаула:

– Чого ти, Нечай, тут командуеш? Хіба це з твоею дочкою кровопивець натішився, чи не мою квіточку він безжально зірвав? Скільки ще доньок, дружин стануть жертвами упиря, поки ви з паном полковником прозріете?

Громовой голос Перебийноса пронесся набатом, и тут же толпа грозно и одобрительно загудела, поддерживая своего предводителя. Есаул рванулся к нему, но был крепко схвачен стоящими рядом людьми. Он оглянулся, чтобы позвать на помощь свое воинство, но никого не увидел, видимо, растерял казаков в толпе. Но даже если бы они оказались рядом, то не смогли бы противостоять разбушевавшейся тысячной толпе. Это было бы то же самое, что

бросать камешки, пытаясь этим укротить бурю. Есаул, конечно, понимал, какие боль и гнев испытывают родители, потерявшие своих детей, сочувствовал им, но не выполнить приказа полковника он не мог.

– Хіба ти не розумієш, Остапе, що мертвий не може нашкодити живим? Василь Касперович був людиною суворою, але ж і набожною, був християнином, а не безбожником і чаклуном! Хто це придумав, що він після смерті став упирем?! Це вигадки наших ворогів, які хочуть сплюндрувати ім’я покійного генерального обозного, славного козака! – Есаул грозным взглядом обвел толпу. – Чи може хтось це особисто засвідчити?

– А ти думав, що нема кому? – Перебийнос хищно усмехнулся и скомандовал: – Давайте сюди Прохора!

К нему вытолкнули перепуганного мужчину средних лет, в котором есаул узнал лакея покойного генерального обозного. Перебийнос вперил в него яростный бычий взгляд покрасневших глаз:

– Кажи, Прохоре, не бійся – твій господар під час посту скоромне вживав? Чаклунством займався? Денного світла боявся? Хіба ще за життя не змінилася його зовнішність, не прийняв він подобу справжнього чаклуна?!

Трясясь от страха перед разгневанным казаком, лакей послушно кивал, подтверждая его слова:

– Чаклунством займався… Посту не дотримувався… Жив у темряві при свічках, боявся денного світла… Змінився тілом та обличчям… На смертному одрі відмовився від сповіді і таінства соборування.

Перебийнос победно посмотрел на есаула:

– Які ще тобі докази потрібні? А те, що він був не нашоі, а ляшськоі крові і з’явився у нас ніби з нізвідки, хіба не доказ його бісівськоі сутності?!

Толпа одобрительно загудела. Перебийнос, больше не обращая внимания на есаула, вместе с Качурой и несколькими казаками зашел в Успенский собор, где в притворе был похоронен бывший генеральный обозный Дунин-Борковский.

Люди сгрудились у входа, ожидая дальнейших событий. Время шло, снова по толпе пошло волнение, как рябь по воде, и тут в дверях, натужно сопя под тяжким грузом дубового гроба, богато украшенного серебряным позументом, показались шестеро дюжих казаков. Едва они вынесли гроб, как толпа отхлынула от входа в собор, словно боялась, что упырь собьет изнутри крышку, восстанет из гроба и проявит свой злобный, колдовской нрав за то, что потревожили его.

Отойдя от входа в святую обитель на два десятка шагов, казаки, отдуваясь, поставили гроб на землю. Тут же Перебийнос поддел топором и сорвал крышку гроба. Так как покойник продолжал лежать неподвижно, толпа, осмелев, окружила гроб плотным кольцом, и раздались удивленные и испуганные крики: «Свят, свят! Спаси, Господи!» Всем захотелось взглянуть на упыря, началась давка. Есаулу едва удалось протолкнуться наперед.

Дунин-Борковский лежал в богатом гробу, обитом изнутри зеленой тканью, неузнаваемо изменившийся, не похожий на себя, каким его есаул видел в последний раз два года тому назад. В тот день пришло известие, что царь Петр I объявил войну Швеции, и Дунин-Борковский, уже несколько лет, не покидая Чернигова, выполнявший обязанности генерального обозного, собрал у себя в имении за Стрижнем высшую старшину полка во главе с Лизогубом. Генеральный обозный имел крайне болезненный вид и говорил тихим голосом, что было ему несвойственно. С тех пор он стал проводить заседания все в более позднее время, даже ночью, сокращая количество допущенной на него казацкой старшины, в итоге ограничившись полковником и двумя казаками из высшей старшины. В городе стали ходить слухи о необычном поведении генерального обозного, поговаривали, что он не посещает церковь в праздники и ведет затворнический образ жизни.

Сейчас есаул видел в гробу урода. Обычно аккуратно подстриженная седая борода чудовищно разрослась и лежала лопатой на груди, которая вздымалась, будто горб. Стало широким, расплывшимся лицо, приобретя сизый цвет. Нос сильно увеличился и нависал клювом надо ртом; повязка, придерживающая нижнюю челюсть, сползла, отчего приоткрытый рот растянулся почти до ушей, и редкие желтые зубы угрожающе торчали из-под почти невидимых губ, скривившихся, словно в дьявольской ухмылке. Невероятно увеличилось все тело, раздавшись ввысь и вширь, тогда как при жизни генеральный обозный имел небольшой рост и невыдающееся сложение. Толстые пальцы рук с впившимися в них перстнями с самоцветами выглядывали из рукавов кафтана чуть ли не

черного цвета. Но даже в этом уроде-гиганте угадывались знакомые черты, и есаул, хоть и с трудом, но узнал генерального обозного, с которым ему приходилось неоднократно встречаться. Теперь ему стало понятно, почему на торжественных похоронах генерального обозного гроб был закрыт. Народу было объявлено, что такова последняя воля умершего, а она свята!

– Бач, який натоптаний! Напився крові християнськоі! Упир! Виродок бусурманський! Дивись, посміхається! – послышались гневные голоса. Кто-то сунул дымящую трубку в рот мертвецу. – Він і дим пускае! Нажерся крові і вилежується, сил набирае на ніч! Кровопивець!

У Перебийноса в руках оказался заостренный с одной стороны осиновый кол длиной с аршин. Приставив кол к груди мертвеца, казак стал его забивать в тело покойника, мерно ударяя по нему обухом топора. Есаул понимал, что не в силах этому воспрепятствовать, и молча наблюдал за происходящим. Хлынувшая из груди мертвеца кровь имела темный окрас. Перебийнос с наслаждением вбивал кол, пока тот не пронзил труп насквозь.

– Ось іще доказ! У мерця кров загусае, а в цього кровопивці вона рідка! Він живий мрець – упир!

Есаул молча перекрестился – этот довод был наиболее убедительный, ведь после похорон прошло уже много времени. Кто-то крикнул, что надобно отрубить голову упырю, тело спалить, а пепел развеять над Десной. Перебийнос замер над покойником с оголенной саблей.

– Подумай, що ти робиш! – сказал негромко есаул, так, чтобы только Перебийнос слышал. – Ти вже помстився мерцю. Подумай, як поставиться ясновельможний пан гетьман до сплюндрування тіла свого генерального обозного, який був у нього у великій шані? Адже це тільки мертве тіло, без душі! Мертвому ти вже не зашкодиш, а живим, своім рідним – можеш.

– Лякати мене надумав?! – Глаза казака зло блеснули, и жилы на его руке напряглись.

– Адже крім доньки, яку вже не повернеш, у тебе е два сини, майно, хутір, земля. Чи ти думаеш, що тобі все це зійде з рук? Ясновельможний пан гетьман і вельможний пан полковник заплющать на це очі?

Перебийнос со злостью плюнул на землю, вставил саблю в ножны и, несмотря на осуждающие крики, отошел от гроба. Есаул вместе со своими казаками, благо те уже были рядом, потихоньку оттеснил наиболее буйных от гроба. Подмогой ему стал и подошедший настоятель монастыря с монахами, которые стали увещать, успокаивать собравшийся на монастырском подворье люд. Но толпа вновь взволновалась, люди стали кричать, что гробу с упырем не место в святом соборе. Пришлось есаулу во всеуслышание пообещать, что тело генерального обозного будет перезахоронено в его имении, за Стрижнем. Его слова сняли напряжение, и люди стали потихоньку расходиться, потянулись в сторону города.

Есаул с помощью казаков закрыл крышку гроба, но не рискнул вернуть его в притвор собора. Оставив всех своих казаков охранять гроб, есаул поспешил обратно в цитадель.

Уже через час он докладывал пану полковнику о произошедших событиях. Как он и ожидал, полковник вначале разозлился и принялся его распекать, а успокоившись, стал думать, что теперь делать. Вскоре он отправился за советом к архимандриту Иоанну Максимовичу.

Чернигов. 1910 год

1

Двухпалубный колесный пароход «Казак», словно заядлый курильщик, благодушно попахивая черным удушливым дымом из высокой трубы, натужно шел против течения стремительной Десны. Владимир стоял на верхней палубе, его лицо обдувал встречный ветерок. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он внимательно изучает безлюдные песчаные берега левобережья, покрытые чахлыми кустарниками и редкими деревьями с преобладанием ив. На самом деле Владимир погрузился в тревожные размышления, как обычно бывает, когда приступаешь к чему-то новому, неизведанному, и, главное, если ты не уверен в правильности принятого

решения.

С этого дня Владимир должен был двигаться в совершенно новом для него русле самостоятельной жизни, теперь ему надо было рассчитывать только на свои силы, причем в незнакомом для него месте – Чернигове, городе, о котором он знал лишь понаслышке. Это был молодой человек двадцати двух лет, приятной, но не броской наружности, с буйной волнистой шевелюрой и длинными бакенбардами, натолкнувшими его университетских приятелей на мысль дать ему прозвище Базаров[3 - Евгений Базаров – персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».]. Прозвище Владимиру льстило, он охотно на него откликался, хотя с литературным персонажем, студентом-нигилистом, его связывало лишь внешнее сходство и полученная специальность лекаря[4 - Так в Российской империи именовалась квалификация, полученная после обучения в высшем учебном медицинском заведении.].

Владимир был родом из семьи коренных киевлян, из которой на протяжении многих десятилетий вышло несколько поколений врачей и адвокатов. Его отец, Иван Никодимович Шульженко, был известным адвокатом по уголовным делам, пользующимся популярностью и влиянием в Киеве. Мама Владимира умерла от чахотки, когда он учился во втором классе гимназии, и отец, несмотря на занятость, принял самое непосредственное участие в воспитании единственного сына, пожалуй, даже излишне его опекая. Иван Никодимович, подобно эгоистичным мамашам, контролировал каждый шаг своего чада, бесцеремонно вторгался в его личную жизнь. После того как сын окончил гимназию, Иван Никодимович поставил его перед выбором: он мог стать врачом или юристом, поскольку другие профессии, по мнению отца, не могли гарантировать жизненный успех. Владимир же грезил путешествиями и приключениями, мечтал стать географом или инженером, подобно Сайрусу Смиту[5 - Персонаж романа Жюля Верна «Таинственный остров».]. В то время Владимир и не пытался перечить отцу, поэтому согласился поступить на медицинский факультет, посчитав, что это может пригодиться ему в будущих путешествиях. Первое столкновение с отцом случилось, когда Владимир отдал предпочтение хирургии и стал пропадать в свободное время в университетском анатомическом театре, тогда как отец настаивал, чтобы он стал провизором – профессия сугубо мирная, а хирурги в военное время подлежат призыву в армию. Ну а войны, подобно весенней грозе, случаются неожиданно, и последствия их губительные. Отец во время бесконечных разговоров за вечерним чаепитием брезгливо морщил нос: «Как ты можешь копаться в людских внутренностях? От тебя уже дурно пахнет!» Однако Владимир отстоял свой выбор, который сделал под влиянием все той же идеи стать путешественником, ведь без хирурга в экспедициях в

малоизученные края не обойтись.

В своих мечтах Иван Никодимович распланировал жизнь сына на несколько лет вперед: работа в престижной и новой Александровской городской больнице, помолвка с дочерью своего приятеля, главного врача этой же больницы. Однако Владимир горел желанием вырваться из-под опеки и в конце концов разрушил мечты отца. Через губернскую врачебную управу Владимир получил направление в городскую больницу Чернигова на должность лекаря. Уехать как можно подальше от Киева, выйти из сферы влияния отца стало его самым заветным желанием.

Владимир отправился в место назначения не на дилижансе, что было бы быстрее, а на тихоходном пароходе, в комфортной каюте. Поднявшись вверх по Днепру, пароход свернул в главный его приток, стремительную Десну, и, преодолевая быстрое течение, медленно продвигался к конечному пункту, то и дело останавливаясь на промежуточных пристанях, обновляя состав пассажиров. Большую часть пути Владимир провел на верхней палубе, рассматривая проплывающие мимо пейзажи и представляя себя на настоящем морском корабле. Владимир тяжко вздохнул: это путешествие ничем не напоминало те, о которых он мечтал, а в своих фантазиях видел он бескрайние морские просторы, экзотические острова и страны.

Неспешный ход судна и однообразные пейзажи утомили Владимира, как и нестройный хор голосов разношерстной публики, устроившейся по дешевым билетам на носовой части парохода под брезентовым тентом вместе с вещами – узлами, чемоданами и даже мешками. У Владимира было место в каюте 2-го класса (отец настоял!), но, не в силах находиться подолгу в замкнутом пространстве вместе со словоохотливыми попутчиками, с которыми, будучи человеком воспитанным, был вынужден поддерживать неинтересный ему разговор, он предпочитал коротать время на палубе.

Русло Десны раздвоилось, пароход подал звучный сигнал и стал забирать влево, в более узкий рукав реки, как оказалось, в залив.

– Впереди Чернигов. Конец нашему путешествию, – произнес стоящий рядом статный мужчина лет сорока с элегантной бородкой, в пенсне и соломенном канотье.

Судя по всему, он, как и Владимир, предпочел палубу комфортной каюте и теперь с наслаждением курил ароматную сигару. Дым его сигары приятно волновал Владимира, навеивал думы о дальних странах. Владимир жадно всматривался в показавшийся с левой стороны зеленый холм, на котором вырисовывались силуэты церквей.

Корабль вошел в неширокую, грязную заводь со стоячей зеленоватой водой. На берегу была оборудована пристань, вдоль берега стояло несколько баркасов, фелюг, были развешаны рыбацкие сети. Места тут было мало, так что, если бы навстречу шел такой же пароход, как тот, на котором они приплыли, им было бы трудно разойтись. Крытая бело-голубая деревянная пристань при приближении к ней парохода стала активно подпрыгивать на волнах, несколько мальчишек, рыбачивших с нее, неспешно сворачивали свои нехитрые снасти – удилище из ореха, гусиное перо на нитке в качестве поплавка и самодельный крючок из проволоки. Появился матрос в грязной полотняной форме, следящий за порядком на пристани, и несколькими тумаками ускорил их сборы.

Пароход, подав звуковой сигнал, подошел к пристани, на носу и на корме застыли в ожидании матросы, приготовившие швартовочные концы. На палубе началось движение, пассажиры стали активно перемещаться на правый борт, несмотря на грозные окрики помощника капитана через жестяной рупор. Тяжелогруженый пароход с глухим стуком тесно прижался к пристани, сильно ее качнув. Умело закрепив швартовочные концы на кнехтах пристани, матросы опустили трап с перилами на причал, и пассажиры торопливо устремились к нему, стараясь поскорее оказаться на берегу, словно опасались, что судно, доставившее их сюда, тут же пойдет ко дну. Владимир не спеша прошел в каюту, уже покинутую его спутниками, и забрал свой багаж, состоящий из несессера и фанерного чемодана, обтянутого кожей.

Выйдя на причал, он увидел на берегу городовых в белом летнем обмундировании, которые усаживали в тюремную черную карету полного господина в котелке, что-то яростно доказывающего им. Тут же стояло несколько пустых подвод, на которых рядом с кучерами находились полицейские.

На причале у мостика, ведущего на берег, стоял полицейский и поторапливал пассажиров:

– Господа, быстрее проходите! Не задерживайтесь! Проходите!

Сойдя на берег, Владимир с любопытством огляделся. Здесь было скопление небольших деревянных, дощатых, чуть ли не фанерных домиков, больше похожих на временное жилье. Ощущался устоявшийся запах гниющих водорослей, сушеной рыбы и сырости. В нескольких сотнях метров начинался крутой, обрывистый берег, а на самом верху виднелась каменная белоснежная трехкупольная церковь. Чем-то эта местность напомнила Владимиру киевский Подол, только в миниатюре.

Пассажиры парохода усаживались в различные экипажи, на возы, а некоторые двинулись пешком по пологому песчаному подъему. Владимир огляделся в поисках свободного экипажа.

– Любезнейший! Вам в город? – послышался голос, и, обернувшись, Владимир увидел господина, который стоял рядом с ним на палубе; при нем был лишь небольшой кожаный портфель.

– Да, в гостиницу.

– Вам в какую?

– Я пока не знаю.

– Выходит, я был прав, предположив, что вы не местный и в Чернигове впервые. – Мужчина с довольным видом рассмеялся, словно сделал бог знает какое открытие. – Город наш хоть и губернский, но небольшой, и лица здешних жителей примелькались. Если желаете, можете составить мне компанию. Помогу вам найти подходящую гостиницу.

– Премного благодарен! – обрадовался Владимир.

Возница экипажа пристроил его багаж на задке коляски, для сохранности обвязав веревкой. Владимир сел рядом с незнакомцем, и тот приказал кучеру:

– Трогай!

Владимир представился:

– Шульженко Владимир Иванович, после окончания Киевского университета направлен лекарем в здешнюю городскую больницу.

– Очень приятно! – Мужчина приподнял шляпу. – Семыкин Петр Семенович, адвокат, имею здесь частную практику.

– Вам известно, почему столько полиции на пристани?

– Меня это также заинтересовало, и я спросил об этом пристава. – Снова последовал довольный смешок адвоката. – Оказывается, мы с вами плыли на затаившемся огнедышащем вулкане, и лишь чудом он никак себя не проявил, – витиевато пояснил новый знакомец.

– Прошу прощения, Петр Семенович, я вас не понял.

– Здешний купец второй гильдии, господин Давиденко, надумал перевезти нашим пароходом тридцать пудов пороха! Вместо того чтобы, как полагается, нанять отдельное судно для столь опасного груза, он решил сэкономить и подверг опасности жизни полутора сотен людей, находящихся на пароходе. Каков негодяй!

– Провидение уберегло пассажиров нашего парохода. – Владимир перекрестился, однако у него не возникло ощущения, что он избежал страшной опасности. Угроза жизни казалась призрачной, не имевшей к нему отношения, словно он прочитал об этом в книге.

– Купца и капитана арестовали – и поделом им, – удовлетворенно произнес Семыкин.

– Необычным оказался мой первый день на новом месте – поездка на пароходе, начиненном порохом. – Владимир во все стороны крутил головой, разглядывая местность, неказистые дощатые дома, стоявшие на высоких деревянных сваях. – Чудно, тут дома словно времянки.

– Во время весеннего разлива Десны эта местность часто подтопляется, поэтому и дома такие, ведь порой приходится их из реки вылавливать. Сейчас мы двигаемся вдоль крепостного вала старой крепости, по так называемому

«Кавказу».

Владимир только сейчас обратил внимание на то, что обрывистый берег, виднеющийся за крышами домов, имеет правильную геометрическую форму.

– По какой же странной ассоциации так назвали эту низинную местность? Где тут горы? – поинтересовался пораженный Владимир.

– Раньше она называлась Солдатской слободкой, здесь были расквартированы московские стрельцы из гарнизона крепости, жили в слободке и рыбаки. По легенде, «Кавказом» назвали потому, что здесь селили пленных горцев-абреков во время войны с Чечней, хотя я в этом сомневаюсь. В Чернигове я не встречал потомков чеченцев, но, возможно, из-за того, что они тут не прижились? Это город легенд, у вас будет возможность с ними познакомиться. – Экипаж резко подбросило, и Семыкин счел нужным пояснить: – Мы двигаемся по Быдлогонной улице – каково название, такова ее суть!

Дорога вся была в выбоинах, отчего экипаж постоянно трясло и подбрасывало. Затем начался длинный, затяжной подъем по недавно уложенной брусчатке, но трясло не меньше. Лошади приходилось как следует напрягаться, чтобы тянуть вверх коляску.

– Вероятно, это не официальное название улицы?

– Иного вы не услышите от местных жителей. Да и название весьма меткое. Прошу меня простить за сравнение, но на этой дороге и в самом деле ощущаешь себя скотом!

Пролетка поднялась на самый верх, и улица преобразилась, расширилась. Впереди показалась кирпичная арка, по обе стороны которой возвышались ложные зубчатые крепостные башенки.

– Наша Триумфальная арка, – весело произнес Петр Семенович. – Почти как в Париже. Только у парижан она одна, а у нас их аж четыре. Хоть в этом мы их превзошли!

За аркой с обеих сторон потянулись длинные дощатые заборы, над которыми возвышались зеленые кроны фруктовых деревьев. Дорога стала шире, и теперь это была настоящая мостовая.

– Мы выехали на нашу главную и самую длинную улицу – Шоссейную. С правой стороны от нас, за деревьями, наша главная историческая достопримечательность – валы, там же находится Константиновский сквер. – Петр Семенович продолжал исполнять обязанности гида. – В этой самой древней части города находились великокняжеский замок, детинец, храмы периода Киевской Руси. Обязательно побывайте там. – Петр Семенович поправил на голове съехавшую набок от тряски шляпу. – На противоположной стороне также сквер и Екатерининская церковь, которую вы видели снизу, там же памятник императору Александру III.

Семыкин вдруг рассмеялся и пояснил:

– В Константиновском сквере установлена статуя Александра II, так что можете задумать желание – мы проезжаем между двумя Александрами!

Шоссейная, несмотря на несуразное для главной улицы название, Владимиру понравилась: широкая, оживленная, с вывесками всевозможных магазинов, контор, трактиров. Дома тут были в основном одно-и двухэтажные. Семыкин, рассказывая о городе, всему давал короткие, меткие характеристики. Чернигов при первом знакомстве оставлял приятное впечатление.

– Радует то, что город тихий и, я бы сказал, умиротворенный. Наверное, жизнь тут размеренная, спокойная, без особых происшествий. День на день похож.

– В общем-то вы правы. Это край легенд и сказок, может, поэтому тут порой происходят странные события, которые не поддаются логическому объяснению.

– Интересно, какие?

– Вот, например, недавно на городском кладбище обнаружили раскопанную могилу с пустым гробом. Покойник исчез!

– Что тут невероятного? Я слышал про такие случаи. Во времена Возрождения воровали трупы для лекарей, изучающих анатомию человека. В наше время причины этому могут быть разные – месть, хулиганство, тайные ритуалы. Вот в Киеве у студентов есть обычай напоить какого-нибудь господина, а затем таскать с собой его бесчувственное тело. Фантазия человеческая не имеет границ!

– Дай Боже, чтобы все прояснилось и в этом не были замешаны темные силы! – воскликнул Семыкин и истово перекрестился, словно ограждая себя от опасности.

Владимир удивился подобной реакции адвоката, но не стал спрашивать, чем она вызвана. Возле неприметного двухэтажного серого здания, отличающегося от соседних аляповатой, но звучной вывеской «Гостиница „Царьград“» Семыкин приказал кучеру остановиться.

– Рекомендую вам нашу старейшую гостиницу. Во-первых, номера тут пристойные и относительно недорогие. Во-вторых, думаю, вам будет приятно, что в ней в свое время останавливались известные люди – Николай Гоголь, Александр Пушкин. На первом этаже имеется трактир, где можно сытно и вкусно поесть, на втором находятся лучшие номера. Если пожелаете, помогу вам подыскать удобную квартирку в доходном доме. До городской больницы вам надо будет проехать по Шоссейной улице или даже пройти пешком, это недалеко, впрочем, как и все в нашем небольшом городе. Если эта гостиница вам не понравится, то есть классом выше – «Александровская», возле Соборной площади, или господина Быховского на Преображенской. Там есть ванны с горячей водой и электричество.

– Огромное спасибо, Петр Семенович! Думаю, пока остановлюсь в этой гостинице, а там будет видно.

– Милости прошу ко мне в гости! Я живу на Малоречковской, это за рекой Стрижень, вот вам моя визитная карточка.

Распрощавшись с Семыкиным, Владимир вошел в гостиницу. Небольшой вестибюль, стойка-столик, за которым находился рябой портье в красной атласной рубашке навыпуск, дальше виднелся длинный полутемный коридор, напротив – деревянная лестница, ведущая на второй этаж.

– Что желаете, сударь? – при виде потенциального постояльца оживился портье. – У нас имеются номера на любой вкус!

– Мне что-нибудь поприличнее, с окнами во двор.

– Имеется такой номер! Вы будете довольны! – обрадовался рябой и крикнул, повернувшись в сторону коридора: – Федька! Бегом сюда!

Открылась крайняя дверь в коридоре, появился невысокий худощавый паренек лет четырнадцати, в такой же красной рубахе, что и у портье. У него было серьезное личико и воспаленные глаза.

– Отнеси багаж в седьмой номер! Пожалуйста, сударь, назовите вашу фамилию для регистрации.

Мальчик быстро подхватил чемодан и направился к лестнице. Владимиру было неудобно, что его чемодан тащит подросток, но пока он пребывал в раздумьях, как поступить, тот уже поднялся по лестнице. Владимиру ничего не оставалось, кроме как последовать за ним наверх. Номер Владимиру понравился: просторный, мебель в хорошем состоянии, на кровати свежая постель. Дав мальчишке полтинник, Владимир остался в комнате один, присел к столу, наполнил стакан водой из графина, выпил. Вода была свежая и приятная на вкус.

– Как сложится здесь моя новая жизнь? – громко вопросил Владимир, но ответа не получил.

Он стал разбирать вещи, развесил одежду в шкафу, привезенные с собой книги выложил стопкой на стол – собственно, они и составляли львиную часть багажа. Кроме специализированной литературы по медицине, справочников, Владимир привез с собой несколько художественных книг. Он любил приключенческую литературу и качественные детективы, любил читать о странствиях и тайнах, которые требуют разгадки. Он восторгался Шерлоком Холмсом, героем романов Конан Дойла, и сразу, после первого же знакомства, исключил из круга своего чтения рассказы про сыщика Ната Пинкертона, оказавшиеся на волне популярности. Его привлекали литературные произведения, где с реальностью соседствовала мистика, где ход событий невольно вынуждал читателя искать подтекст, отправляя его в область иррационального и необъяснимого. Он

зачитывался рассказами Эдгара По, Огюста Вилье[6 - Филипп-Огюст-Матиас де Вилье де Лиль-Адан (1838–1889) – французский писатель и драматург.], Амброза Бирса[7 - Амброз Гвиннет Бирс (1842–1914) – американский писатель, автор юмористических и «страшных» рассказов.], был в восторге от романа Гюисманса «Там, внизу»[8 - Жорис-Карл Гюисманс (1848–1914) – французский писатель.]. Незадолго до отъезда из Киева его новым увлечением стали рассказы Роберта Чамберса[9 - Роберт Уильям Чамберс (1865–1933) – американский писатель.], поэтому он прихватил с собой сборник фантасмагорических рассказов этого автора «Король в желтом». Прочитанный накануне отъезда рассказ «Реставратор репутаций» поразил Владимира необычностью сюжета и безумием главного персонажа, медленным, но неуклонным приближением невероятных, жутких событий, заставивших трепетать его сердце. Главным злом в рассказе выступала двухактная пьеса «Король в желтом», прочтение которой приводило к безумию и реальному кошмару. Содержание самой пьесы в рассказе не раскрывалось, лишь подчеркивалась гениальность текста.

«Неужели всего лишь прочтение книги может толкнуть человека на преступление?» – задавался вопросом Владимир, рассчитывая, что другие рассказы этого сборника помогут ему найти ответ.

Как только стало смеркаться, Владимир удобно устроился в довольно потертом кресле возле стола, зажег керосиновую настольную лампу – электричества в гостинице не было – и раскрыл книгу. Следующий рассказ назывался «Желтый знак», и он погрузился в чтение.

2

Утром Владимир едва смог заставить себя встать – он читал рассказ до глубокой ночи. Как и в предыдущем рассказе, пьеса «Король в желтом» подтолкнула главного персонажа к безумным действиям, и в итоге – к преступлению. Закончив читать, Владимир долго ворочался на кровати без сна, невольно вспоминая персонажей и эпизоды рассказа: юная влюбленная натурщица, циничный художник на грани сумасшествия, готовый совершить убийство лишь из-за того, что внешность церковного сторожа ему была крайне неприятна; их удивительные сны, оказавшиеся пророческими. Главный герой в гробу со стеклянной крышкой, через которую наблюдает за происходящим, бессильный

чем-либо себе помочь; он отправляется в Никуда на катафалке, управляемом ожившим мертвецом.

Вскоре после того, как глубокой ночью Владимир наконец, незаметно для себя, очутился в объятиях Морфея, его сон был грубо прерван. Он был разбужен пьяными криками, мужскими голосами, горланившими похабную песню, которую оборвала трель свистка городового. Даже когда все стихло, Владимир продолжал лежать без сна, с тревогой вслушиваясь в тишину, в которой ощущалась непонятная угроза.

«Здесь не отдохнешь. Надо найти другую гостиницу или частный пансионат. Второе предпочтительнее».

Заснул Владимир только на рассвете, с мыслью, что будет неприлично появиться в больнице поздним утром.

Невыспавшийся, разбитый, Владимир привел себя в порядок и спустился в ресторан. Он только поковырял еду в тарелке ввиду отсутствия аппетита, лишь с удовольствием выпил клюквенный квас вместо чая. Тут же дал себе зарок: больше перед сном не читать подобные жуткие рассказы, разве что накануне выходного дня.

Рябой портье отправил прислуживающего мальчишку за извозчиком, и когда Владимир вышел из ресторана, коляска уже поджидала у входа. Управлял ею грузный ямщик с квадратным туловищем.

– В городскую больницу! – приказал Владимир, усевшись на заднее сиденье.

– Слушаюсь, барин! – Кучер щелкнул хлыстом, и коляска тронулась, однако ехала она не так быстро, как хотелось Владимиру.

– Далеко до больницы? – нетерпеливо поинтересовался Владимир, взглянув на часы. Был уже десятый час.

– Тут все недалече, барин. Город-то небольшой. Вы, небось, спешите? Зря, жить надо не спеша, ведь конечная остановка для всех одна – кладбище!

Владимир, все еще полусонный, скользил взглядом по сторонам, не воспринимая ничего из увиденного. Волнения перед знакомством с новым местом работы не было, и это его удивляло. Ушли прочь сомнения относительно правильности сделанного им выбора после окончания университета. Он был готов начать новую жизнь!

Владимир с любопытством рассматривал проплывающие мимо дома. Улица постепенно преобразилась. Небольшие деревянные домики, прятавшиеся за дощатыми заборами в зелени садов, сменили настоящие городские, двух-и даже трехэтажные кирпичные дома. Ему даже показалось, что он не уезжал из Киева, а всего лишь очутился в незнакомой части города. Конечно, здешние узкие улицы были не чета роскошным Крещатику или Фундуклеевской. Все выглядело гораздо скромнее. Народу на улицах было немного, судя по одежде – мастеровые или торговцы.

Они въехали на большой пустырь между домами, по которому девочка лет десяти гнала впереди себя двух козочек. У Владимира возникло ощущение, что они вот-вот выедут из города.

– Скажи, любезный, далеко еще? – Владимир нетерпеливо взглянул на часы. – Где это мы?

– Александровская площадь, отсюда до богоугодного заведения, которое вам требуется, рукой подать.

Гордое и венценосное название пустыря показалось Владимиру забавным, и он улыбнулся. Через минуту они подъехали к длинному одноэтажному оштукатуренному кирпичному зданию с множеством окон, к которому, казалось, со всех сторон подступали жилые дома, и коляска остановилась.

– Приехали, барин. Вот наша городская больница. С вас двугривенный, барин! А коли от щедрот добавите…

Владимир сунул ему четвертак и быстро выбрался из коляски.

К входу в здание, обычному крыльцу с навесом, тянулась длинная змейка ожидавших приема людей. Вид у больницы был простоватый, и у Владимира, сопоставившего ее с киевской Александровской больницей с красиво

украшенными фасадами корпусов, вольготно раскинувшейся на Кловском урочище, возникло тоскливое ощущение, что он совершил ошибку.

«Что ты хотел тут увидеть? Дворец?» – вступил с ним в полемику внутренний голос, но отвечать ему у Владимира не было ни времени, ни желания. «Поработаю здесь с годик и вернусь в Киев», – решил он. Немного успокоившись, он направился вдоль очереди к входной двери.

– Куда прешь, не видишь, что тут очередь?! – Крупный, плотный мужчина в косоворотке и пиджаке, пронизывая его злым взглядом, преградил ему дорогу.

От этого человека, явно недалекого ума, исходило ощущение звериной силы.

– Я новый врач! Позвольте пройти!

Мужчина минуту подумал – смысл сказанного не сразу дошел до него – и лишь затем посторонился:

– Проходите, раз такое дело.

За дверью на табурете сидел полный татарин в несвежем белом халате, видимо, в его обязанности входило следить за соблюдением очередности и направлять больных к тому или иному врачу. Татарин недовольно скривился и угрожающе поднялся, увидев Владимира, но тот его опередил:

– Проводите меня к главному врачу. Я новый лекарь, приехал из Киева.

На лице татарина появилась угодливая улыбочка, он что-то произнес, но так быстро, что ничего нельзя было разобрать. Он повел Владимира по длинному больничному коридору и остановился у двери с табличкой «Главный врач Антон Харлампиевич Свечников». Вот тут Владимир занервничал. Он постучал, и ему ответил приятный баритон:

– Войдите!

В просторном помещении за канцелярским столом, покрытым зеленым сукном, сидел мужчина лет шестидесяти, профессорской внешности: пышная седая

шевелюра, белоснежная, аккуратно подстриженная бородка и очки с толстыми линзами. Перед ним громоздилась стопка папок.

Владимир представился и положил на стол бумаги, подтверждающие его квалификацию лекаря, окончившего университет с отличием.

– Присаживайтесь, Владимир Иванович! – любезно предложил ему главврач и стал внимательно просматривать его документы, то и дело одобрительно кивая. Закончив, он отложил их в сторону. – Владимир Иванович, как вы считаете, где вы сможете наилучшим образом применить полученные вами знания? – Главврач посмотрел на Владимира, по-отечески улыбаясь; его близорукие серо-голубые глаза излучали добродушие.

– Антон Харлампиевич, я весьма неплохо проявил себя на хирургических практикумах. Хотел бы работать хирургом.

– Э, батенька, вон куда вы замахнулись! Резать тела в анатомическом театре – это одно, а живого человека – совсем другое! Тут любая ошибка может привести к непоправимым последствиям, – и Антон Харлампиевич осуждающе покачал головой.

Владимир попытался возразить, но главврач, махнув рукой, остановил его:

– Надо с чего-то начать, а там поглядим, на что вы годны. Да и вакантная должность врача есть только в нервно-психиатрическом отделении.

– Лечить психически больных?! – воскликнул Владимир.

– А они что, не люди? Поработаете пока в психиатрическом, а затем переведем вас в другое отделение. Больница у нас не маленькая – семьдесят коек в стационаре, есть еще и амбулатория, там принимают больных врачи разной направленности, в том числе и хирург. Никто, поверьте мне, не стал практикующим хирургом сразу, с учебной скамьи. Накопите опыт, научитесь правильно диагностировать заболевания.

Владимир недовольно сощурился, размышляя. Слова главврача в очередной раз заставили его пожалеть о принятом решении приехать сюда.

«Лечить психов?! Надо немедленно возвращаться в Киев!» И тут ему вспомнились слова отца, сказанные при прощании: «Поезжай, раз так решил, но я уверен, что ты пожалеешь об этом и вскоре вернешься!»

«Если я вернусь, это будет означать, что я не способен жить самостоятельно. Мне предложили не то, на что я рассчитывал, но это не повод уезжать отсюда».

Главврач словно прочитал мысли Владимира:

– Наш хирург, Осип Гаврилович, набирался опыта, участвуя в войне с турками три десятка лет тому назад, и здоровье у него уже не то. Зато он хирург от Бога! Я с ним поговорю, он присмотрится к вам, не исключено, что вы станете его преемником. Так что не следует раньше времени унывать. Путь к успеху пролегает через тернии! Иначе не бывает.

– Время покажет, – неопределенно ответил Владимир.

– Ну что ж, идемте, я познакомлю вас с доктором Бобровым, заведующим нервно-психиатрическим отделением.

Главврач, несмотря на почтенный возраст, двигался легко и быстро, Владимир едва за ним поспевал. Они вышли из больничного корпуса, обошли его и направились к зданию, стоящему в отдалении. Оно даже издали выглядело мрачным: одноэтажное, с наглухо закрытыми и зарешеченными окнами, это здание казалось враждебным и вызывало ощущение безысходности. Жилые дома, тесно обступающие основной корпус больницы, словно боясь этого здания, стояли в отдалении, как бы на безопасном от него расстоянии.

Им оставалось сделать десяток шагов до входа в психиатрический корпус, когда оттуда донесся душераздирающий крик, перешедший в вой и вдруг резко оборвавшийся. По спине Владимира словно провели наждаком, его передернуло. Антон Харлампиевич остановился и с улыбкой повернулся к нему:

– Вероятно, вы читали произведение господина Чехова «Палата № 6»?

Владимир молча кивнул, еще не придя в себя после услышанного ужасного вопля.

– Так вот, ни с чем подобным в нашем отделении вы не столкнетесь. Первым заведующим этим отделением был доктор Розенель. Он придерживался гуманного подхода в обращении с пациентами, как это было принято в европейских заведениях такого рода, где для больных даже ставили спектакли и устраивали балы. Доктор Розенель ничего такого не организовывал и в отношении буйных больных смирительную рубаху при необходимости применял, но он строго следил за тем, чтобы медицинский персонал их не обижал и не обворовывал. Он даже обратился в городскую управу с требованием выделить средства на возведение вокруг корпуса отделения высокой ограды, чтобы больные могли выходить на прогулки во двор, дышать свежим воздухом, благо для этого место есть. – Главврач указал на пустырь, образовавшийся между этим зданием и жилыми домами. – Это давало бы больным ощущение, что они не затворники, а просто находятся на излечении.

Антон Харлампиевич, указывая рукой на ближайшие жилые дома, продолжил:

– Наша больница, в том числе и этот корпус, были построены за чертой города, это потом он к нам дошел. Недобрая слава этого заведения для душевнобольных привела к тому, что жилые дома строили в отдалении от него. Жители ближайших домов направили городским властям гневную петицию, выразив свое возмущение сумасбродными новшествами доктора Розенеля, а магистрат долго оттягивал решение этого вопроса. Доктор Розенель на свой страх и риск позволил некоторым «спокойным» пациентам выходить на прогулки возле корпуса под присмотром санитаров. Возникло несколько неприятных ситуаций, когда больные этого отделения повели себя агрессивно в отношении жителей близлежащих домов. Городская застройка, как видите, окружила больницу тесным кольцом, так что исключить контакты больных с жителями при открытых дверях отделения и отсутствии ограждения практически невозможно. Пошли от горожан жалобы. А когда хитроумным способом сбежавший психически больной совершил нападение на местную жительницу, что имело весьма неприятные последствия, вопрос об устройстве ограды больше не поднимался. Сейчас больные находятся под круглосуточным присмотром, они проходят лечебные процедуры, принимают лекарства в палатах и покидают их только при проветривании. К тому же европейские психиатры пришли к выводу, что гуманные методы не эффективны и больных надо лечить, а не устраивать для них зрелища.

Свой краткий экскурс Антон Харлампиевич закончил уже стоя перед крыльцом психиатрического отделения. Он дернул за шнурок, висевший возле мощной

дубовой двери, и внутри послышался звон колокольчика. Дверь распахнулась, на пороге стоял здоровенный санитар с густой бородой по самые глаза, напомнивший Владимиру изображение Черномора в иллюстрации к сказке Пушкина. Увидев Антона Харлампиевича, он осклабился, что было непросто заметить из-за его бороды.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – поприветствовал он главного врача, при этом бросив на Владимира тяжелый, недоброжелательный взгляд.

– Здравствуй, Прохор. Вот привел к вам нового лечащего врача. Проводи нас к Геннадию Львовичу.

Они прошли в просторный полукруглый вестибюль, в котором имелось три двери. С правой стороны, за решетчатой дверью, начинался длинный коридор. У Владимира тоскливо сжалось сердце – возникло ощущение, что он сам попал в тюрьму, где придется провести продолжительное время. В нем зрело желание, пока не поздно, вежливо отказаться от предлагаемой должности и сегодня же, на ближайшем дилижансе, отправиться в Киев. Однако другая его часть возражала и требовала пройти это испытание.

Бородач открыл ключом крайнюю с левой стороны дверь – за ней оказалась просторная комната с двухтумбовым столом, возле которого в ряд стояли три стула. У стены находились два шкафа со стеклянными дверцами, на ближнем, под самым потолком, стояло чучело горного орла, уставившегося искусственными зелеными глазами на непрошеных гостей.

– Изволите зайти в кабинет Геннадия Львовича? А я его немедля сыщу, доложу о вашем прибытии.

Присев на стул, Владимир с любопытством огляделся. За стеклянными дверцами шкафов виднелись корешки книг.

Вскоре пришел хозяин кабинета. Это был очень крупный мужчина, под стать санитару, с окладистой бородой, делающей его похожим на писателя Льва Толстого. На вид ему было лет пятьдесят.

– Вот, любезный Геннадий Львович, вам помощник – прошу любить и жаловать! Прибыл из Киева, окончил медицинский факультет университета Святого

Владимира, – представил Владимира главный врач. – Подмога вам большая. Желает он по хирургической части практиковаться, но пока поработает у вас. Авось и изменит свои намерения, как вы в свое время.

– Помощников у меня достаточно, – хмурясь и окидывая Владимира тяжелым взглядом, пророкотал обладающий густым, воистину дьяконовским басом Геннадий Львович. – Врачи Нестеренко и Топалов. Да и Дмитрий Ловцов хорош!

– Ловцов ваш – фельдшер! А я вам даю дипломированного врача, только что окончившего университет, со свежими знаниями, – назидательным тоном произнес Антон Харлампиевич. – До нас, в провинцию, новые веяния медицины не так быстро доходят, как до профессоров императорских университетов. Да и Ловцова у вас никто не забирает. Может, чего интересного и мы узнаем. – Увидев, как грозно сошлись брови психиатра, он быстро добавил: – Сказанное мною никак не умаляет вашего богатого опыта и глубоких знаний.

Владимир подумал: «Что это за фельдшер такой, которым заведующий отделением так дорожит?»

Брови у психиатра продолжали хмуриться, и он с иронией произнес:

– Поживем – увидим.

– Вот и славно! Не буду больше вас отвлекать. – Антон Харлампиевич повернулся к Владимиру: – Геннадий Львович введет вас в курс дела. Не сомневаюсь, что вы сработаетесь и у вас сложатся прекрасные отношения! – После этих слов главный врач покинул кабинет.

Дождавшись, когда за ним закроется дверь, Геннадий Львович вонзил испытующий взгляд во Владимира, так что тому стало не по себе, но при этом произнес нормальным тоном:

– Расскажите о себе. Кто вы, откуда, какую цель ставили перед собой, когда решили стать лекарем? Что во время учебы вам легко давалось, а что требовало определенных усилий?

Владимир, ничего не утаивая, стал рассказывать о себе, о том, что рос без матери, под присмотром отца, что мечтает стать хирургом, и хотя экзамен по психиатрии успешно сдал, не рассчитывал, что придется этим заниматься.

– В отделении сейчас находятся более трех десятков больных с разными психическими и нервными заболеваниями. Есть буйные, они в изоляторе, в смирительных рубашках. Однако имеются и такие, чье внешнее спокойствие способно усыпить бдительность, но в силу разных причин их поведение может резко измениться – за такими нужен глаз да глаз. Наши пациенты отличаются от обычных больных тем, что они могут иногда представлять угрозу для врачей. Таких единицы, но всплески их энергии могут заразить находящихся рядом больных и вызвать у них агрессию. Поэтому на первых порах будете помощником доктора, закреплю я вас за Нестеренко Ильей Никодимовичем. Поработаете с ним, присмотритесь к нашим больным, а я – к вам, и если все будет в порядке, переведу вас на самостоятельную работу.

Владимир почувствовал, как внутри него нарастает возмущение. Раз ему не доверили больных, то какой он врач? А ведь он с отличием окончил медицинский факультет одного из самых престижных университетов – Киевского! Владимир едва сдерживался и обдумывал, какими словами дать знать, что подобное назначение его оскорбляет.

– В свое время я был хирургом, причем очень хорошим, и не где-нибудь, а в Санкт-Петербурге. Судьба вносит в повседневность неожиданные обстоятельства, и наша жизнь меняется. Я не жалею о том, что работаю по другой специальности, может, то же и с вами произойдет. Надеюсь, что так и будет! – подытожил Геннадий Львович.

Судя по всему, он считал, что его решения не обговариваются, а только исполняются.

Он взял со стола колокольчик и громко позвонил. Дверь открылась, и в кабинет протиснулась громадная фигура санитара Прохора.

– Чего изволите, ваше высокоблагородие?

– Позови, братец, Ловцова!

Санитар скрылся, а заведующий отделением пояснил:

– Ловцов – наш фельдшер, оправдывая свою фамилию, весьма ловок, за ним глаз да глаз нужен. Но дело свое знает, шельма, иначе я его давно выгнал бы.

Владимир боролся с желанием возразить психиатру, заявить, что он рассчитывает на работу, соответствующую полученному образованию. Однако внутренний голос его остановил: «Не спеши, осмотрись, может, эта работа вообще тебе не подойдет и ты отсюда уедешь. Ведь тебе не приходилось иметь дела с настоящими психическими больными, и ты имеешь весьма смутное представление о том, как их лечить».

Мысли Владимира переключились на фельдшера, который должен был вот-вот прийти. Видимо, это была прелюбопытная личность, раз о нем уже несколько раз упоминалось и судя по тому, как его охарактеризовал заведующий отделением. «Интересно, в каких проступках был уличен Ловцов и почему заведующий отделением так им дорожит?»

В кабинет вошел статный мужчина лет под сорок, приятной внешности, с живым умным взглядом карих глаз. На нем был серый халат. Геннадий Львович представил ему Владимира.

– Весьма, весьма приятно! – Фельдшер широко, по-дружески улыбнулся и протянул Владимиру руку: – Ловцов Дмитрий Фролович.

– Покажи новому лекарю подопечных лекаря Нестеренко, – приказал Геннадий Львович и обратился к Владимиру: – А вы не стесняйтесь, интересуйтесь, как можно больше спрашивайте у своих коллег, у меня – я всегда к вашим услугам!

Вначале Ловцов провел Владимира в фельдшерскую, где выдал ему чистый белый халат. Затем они двинулись по пустому длинному больничному коридору, с одной стороны которого располагались двери палат.

– Палаты всегда закрыты? – Владимир с интересом поглядывал на двери – что за ними скрывается?

– Открываем поочередно на два-три часа. Так проще больных контролировать. Вы, верно, проходили практику на кафедре психиатрии у профессора Сикорского? – поинтересовался Ловцов.

– Нет, на кафедре хирургии, а в психиатрическое отделение попал по воле случая. Профессор Сикорский читал нам лекции, и представление о психических и нервных заболеваниях я имею.

– Теперь у вас есть возможность увидеть все это воочию. – Ловцов улыбнулся и пошутил: – И при желании пощупать.

Фельдшер открыл палату под номером «3», и Владимир с некоторой опаской переступил порог. Первое, что он отметил, – это затхлую, душную атмосферу давно не проветривавшегося помещения.

Перед ним была огромная комната, где находилось восемь коек. Больные были в длинных серых байковых халатах, изрядно поношенных, из-под которых выглядывало нижнее белье – серые рубашки и кальсоны. Каждый занимался тем, что было ему угодно. Кто сидел на кровати, кто лежал. Кудрявый коротышка мерил комнату шагами, высокий тощий больной застыл в странной позе – он стоял с раскинутыми в стороны руками, изображая крест. У зарешеченного окна замер молодой человек с буйной шевелюрой, тоскливо глядя наружу.

Больные выглядели вполне обычно, как нормальные люди, но позже, общаясь с ними, Владимир понял, что они находятся тут не случайно. Ловцов сообщал имена пациентов, давал им краткие характеристики, называл заболевание каждого и применяемое лечение.

В палате находились люди как старшего возраста, так и совсем молодые. Ловцов подвел Владимира к молодому человеку приблизительно одного возраста с новым лекарем, с густыми всклокоченными волосами, одетому, в отличие от других пациентов, в пижаму из недешевого материала. Он сидел на кровати у окна, то и дело поправляя очки, словно желая убедиться, что они на месте, и читал книгу.

– Как ваше самочувствие, господин Лещинский? – спросил у него Ловцов.

Молодой человек отвлекся от чтения, отложил книгу и снял очки:

– Благодарю, чувствую себя прекрасно, господин фельдшер. Интересуюсь, когда вы соблаговолите меня выписать из сего богоугодного заведения?

– Вы же знаете, это зависит не от меня.

– Мне вот кажется, – голос Лещинского стал переходить на визг, – что меня тут держат значительно дольше, чем требуется!

– Не волнуйтесь, господин Лещинский, все делается для вашего блага.

Владимир скользнул взглядом по названию раскрытой книги, лежащей верх обложкой – «Так говорил Заратустра».

– Хочу вам представить нового лекаря – Владимира Ивановича. Он будет помогать доктору Нестеренко…

– Не порите чушь! – резко прервал его Лещинский. – Я завтра покину вашу богадельню! – И он демонстративно уткнулся в книгу, показав тем самым, что разговор окончен.

Подойдя к Владимиру, понизив голос, Ловцов пояснил ему на ухо:

– Лещинский психопат, истерик, с ним надо быть очень осторожным. Чуть не убил товарища по учебе, ему светила тюрьма, но у него очень богатые и влиятельные родители, вот он и оказался здесь.

На кровати, опираясь на подушку, полулежал плотный мужчина небольшого роста, с неопрятной бородой и выпученными, как при испуге, глазами; руки у него постоянно тряслись, речь была невразумительной.

– Купец Пантелеймон Куляба. Болезнь Паркинсона – безнадежный случай, – пояснил Ловцов, не обращая внимания на то, что мужчина их слышит.

После этого Ловцов подвел Владимира к кровати, на которой сидел мужчина, отрешенно уставившись в пол и поглаживая себя по животу.

– Мещанин Сидоров Петр Свиридович, он уверен, что, когда спал на берегу речки, ему в рот забралась жаба и теперь там живет.

– Она там! – взвизгнул мужчина. – Приходите в лунную ночь, и вы услышите ее кваканье! Ква-ква! – попытался он изобразить соответствующие звуки. – Доктор, вы мне поможете?

– Поможем, поможем, – равнодушно произнес Ловцов и указал на больного, стоящего у окна.

На вид тому было лет тридцать, у него была буйная рыжеватая шевелюра и неожиданный клок полностью седых волос на левой ее стороне.

– Любопытный случай, – отметил Ловцов. – Олег Ташко, двадцать девять лет, из обедневших дворян. Его отец, отставной капитан, хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Однако сынка из юнкерского училища через год отчислили за недостойное поведение. Из-за этого отца кондрашка хватила, так что он теперь покоится на кладбище. Маменька, используя связи, устроила сынка в городскую управу. Он, как говорится, звезд с неба не хватал, был тихим, исполнительным. – Ловцов сделал многозначительную паузу. – Пока его не поймали, когда он показывал срамные места прогуливающимся барышням. И, как оказалось, делал он это не единожды. По его признанию, желание так себя повести накатило на него внезапно и он не мог ему противиться. Из управы его сразу же уволили, теперь он лечится у нас. По натуре он очень робкий, стыдливый, особенно при общении с женщинами, никогда не имел с ними близких отношений.

– Ничего себе – стыдливый! – Владимир покачал головой.

– Больные, имеющие подобные отклонения, не могут себя сдерживать. В остальном он производит впечатление вполне психически здорового человека. Можно было бы его отправить домой, но он боится туда возвращаться, ведь все знакомые, соседи знают о его проступке, так что ему хоть в петлю лезь. Ему проще находиться здесь, он тут убирает, колет дрова, помогает на кухне. Хотя его маменька ждет не дождется его возвращения. Она очень властная особа. – Ловцов осуждающе покачал головой.

Кудрявый коротышка, беспрерывно шагающий по палате, сам с собой вел разговор, активно помогая себе руками, то и дело заливаясь дурным смехом.

Ловцов, указав на него, пояснил:

– Мещанин Яков Соломонович Берштейн. У него душевное заболевание, описанное доктором Кандинским и названное им идеофрения. Это когда голоса в голове требуют выполнять определенные действия и больной не может им противиться. Как видите, сейчас у него повышенная активность, в другое время он может часами сидеть и что-то рассматривать, хоть ту же половицу.

– По новой терминологии, предложенной швейцарским психиатром Блейгером, это заболевание сейчас называется шизофрения, – блеснул познаниями Владимир.

– Как его ни назовешь, а лечить приходится лишь солями брома и морфином, – снисходительным тоном произнес Ловцов и подошел к продолжавшему стоять неподвижно тощему мужчине с раскинутыми в стороны руками.

– Кондрат Мефодиевич Костицкий, тридцать девять лет. Работал надзирателем в мужской гимназии, а потом с ним стали случаться припадки, после которых он застывал в подобных позах. Что интересно, позу ему можно произвольно менять. – Ловцов легко скрестил руки мужчины у него на груди. – Как видите, для этого не требуется больших усилий. – Ловцов, взявшись за туловище мужчины, наклонил его в сторону, затем с довольным видом, будто скульптор, отошел на пару шагов, чтобы полюбоваться своим творением. – Восковая неподвижность. Хотите попробовать? – Ловцов хозяйским жестом предложил Владимиру поупражняться в изменении позы больного.

– Благодарю, но давайте продолжим осмотр больных в других палатах. Геннадий Львович сказал, что у вас более трех десятков пациентов, – вспомнил Владимир, хотя у него голова кругом шла от обилия информации.

– Всех пациентов вам знать нет нужды, – возразил Ловцов. – Эти подопечные доктора Нестеренко, остальными занимаются доктор Топалов и сам заведующий отделением, доктор Бобров.

Они вышли в коридор.

– Следующая палата также доктора Нестеренко, но там особые случаи, и на ее осмотр требуется разрешение доктора. Дальше идут палаты заведующего отделением и доктора Топалова.

Владимир тем не менее направился к следующей палате, но Ловцов его остановил.

– Я не должен был сразу вести вас в палату, доктор будет недоволен. – Ловцов явно сожалел о том, что так поступил. – Идемте, я представлю вас доктору Нестеренко.

В этот момент в коридор вошла молоденькая барышня в сопровождении плотного хмурого господина лет пятидесяти. Когда они приблизились, Владимир заметил, что у барышни отрешенный взгляд, следовательно, ее мысли были далеко отсюда или их вообще не было. Ловцов поздоровался, но барышня никак на это не отреагировала, словно не заметила его, а ее сопровождающий, посмотрев на фельдшера свысока, лишь кивнул.

Когда они зашли в палату, Владимир поинтересовался:

– Кто они?

– Господин Волобуев с дочерью Софьей. Она лечится у врача Топалова.

– Что с ней? Она шла словно сомнамбула.

– Это ужасная история, повлиявшая на ее психику.

– Пожалуйста, расскажите.

Ловцов колебался.

– Не в правилах нашей больницы раскрывать врачебные тайны.

– Я теперь врач, а не любопытствующий посторонний.

– Вам не поручат лечение Софьи Волобуевой… Ладно, я вам расскажу, что с ней произошло.

– Премного благодарен!

– В прошлом году Волобуев с семьей летом находился в своем имении в селе Константиновка. Готовились к свадьбе Софьи, которая должна была выйти за господина Новицкого. Софья с детства не отличалась отменным здоровьем. Однажды она попала под ливень и промокла. А накануне свадьбы приехала она с отцом в Чернигов, и тут у нее случился сердечный припадок, в результате которого она умерла, вернее, так посчитал ее лечащий врач. Пульс и биение сердца не прослушивались, зеркало, поднесенное ко рту, не запотевало. Безутешные родители перевезли ее тело в имение и похоронили в родовом склепе. Ночью двое негодяев из местных жителей проникли в склеп, чтобы поживиться золотыми украшениями, с которыми похоронили Софью. Как же они перепугались, когда, сорвав крышку гроба, увидели восставшую «покойную»!

– Она пребывала в летаргическом сне? – Владимир и до этого слышал о случаях захоронения людей, находящихся в состоянии «мнимой смерти».

– По-видимому. Доктора предполагают, что спровоцировал этот сон тот случай, когда она промокла под ливнем. На самом деле никто этого объяснить не может. Грабители по сути спасли Софье жизнь. С ее слов, она находилась в очень странном состоянии, тело было как чужое. Она слышала, что происходит, но это не задерживалось в сознании, и это уберегло ее рассудок. Представляете себе ужас девицы, когда она очнулась и поняла, что находится в гробу и не может из него выбраться!

– Не дай бог такое пережить! – Владимир нервно перекрестился и вспомнил свой сон.

– Софья, находясь в сознании, провела в гробу несколько часов, пока грабители не «освободили» ее. Грабители убежали, а Софья выбралась вслед за ними из склепа. В подвенечном платье, в котором ее похоронили, она пришла домой, вначале смертельно перепугав, а затем обрадовав родителей.

– У нее развилась боязнь замкнутого пространства? – предположил Владимир.

– Неизвестно. Ее лечением занимается доктор Топалов, а он все держит в тайне, как и ее родители.

– Доктор Топалов опытный психиатр?

– Максим Максимович изучал психиатрию в США, где работал в известной клинике для душевнобольных в городе Трентоне, штат Огайо. Смерть его отца и необходимость вступить в права наследства вынудили его вернуться. Здесь у него живет престарелая мать, за которой требуется уход, поэтому он остался на родине и работает в нашей больнице. Считается лучшим специалистом не только у нас, к нему приезжают на консультацию из разных мест.

– Полагаю, что это честь для меня – познакомиться с таким опытным специалистом и работать рядом с ним, – уважительным тоном произнес Владимир. – Мне было бы очень интересно узнать о его работе в американской клинике.

– Доктор Топалов весьма замкнутый человек, думаю, у вас не получится сойтись с ним близко. Он всех держит на расстоянии. Он не уезжает отсюда только потому, что должен ухаживать за больной матерью.

– Это его право, – согласился Владимир. – А что вы скажете о докторе Нестеренко?

– Илья Никодимович работает в нашей больнице более десяти лет, он здесь на хорошем счету. – Ловцов пожал плечами.

Он вроде бы положительно охарактеризовал доктора, и в то же время его тон заставлял сомневаться в этом. «Видимо, он испытывает неприязнь к Нестеренко», – решил Владимир.

Доктора Нестеренко не оказалось в кабинете, его разыскали в изоляторе, куда только что доставили вновь прибывшего больного. Доктор с двумя рослыми санитарами стоял возле топчана, на котором беспокойно ворочался мужчина с грубыми чертами лица и окладистой, темной с проседью бородой. Пытаясь освободиться от пут – он был туго запеленат в смирительную рубашку, – мужчина хриплым голосом бормотал что-то бессвязное. На вид Нестеренко было лет тридцать пять. Среднего роста, коренастый, в плотно облегающем фигуру

халате сверкающей белизны, с приятным открытым лицом, он сразу вызвал у Владимира симпатию. Нестеренко обернулся и, увидев вошедших, улыбнулся Владимиру и протянул ему для пожатия руку, а Ловцову лишь кивнул.

– Илья Никодимович, к вашим услугам. А вы, как меня уже информировали, мой новый помощник?

Владимир представился, то и дело невольно поглядывая на продолжающего что-то бормотать мужчину.

– Можете идти! – сказал Нестеренко санитарам и повернулся к Ловцову: – Вас я тоже не задерживаю!

Санитары и фельдшер незамедлительно вышли, а Нестеренко указал на лежащего на топчане мужчину:

– Ваше мнение, коллега?

Владимиру понравилось обращение «коллега», тем самым Нестеренко показал, что считает его равным себе по статусу.

– Буйное помешательство? У него галлюцинации? – наобум предположил Владимир, уловив смысл нескольких слов, которые пробормотал больной.

– Что касается галлюцинаций, вы это верно подметили, – кивнул с довольным видом Нестеренко. – Сапожник Савелий Никодимов, допился до белой горячки, сегодня поступил, ему кругом мерещатся черти. Наш постоянный пациент. Подлечим – отпустим, он какое-то время будет держаться, затем снова срыв, запой – и к нам. С каждым разом его состояние все хуже и хуже, и задерживается он у нас дольше. Как говорится, горбатого могила исправит. Похоже, ему до нее осталась всего пара шагов. – Нестеренко говорил все с той же улыбкой. – Считайте, это ваш первый больной. Идемте в мой кабинет, обсудим ваши дальнейшие действия. Кстати, вы знаете, каков основной принцип работы с психическими больными?

Владимир напряг память, пытаясь вспомнить, что на этот счет говорил профессор на лекции о психиатрии, но Нестеренко быстро произнес:

– Ne raillons pas les fous; leur folie dure plus longtemps que la n?tre… Voila toute la difference!

– Не издевайтесь над дураками; их безумие длится дольше нашего… Вот и вся разница, – вслух перевел Владимир с французского.

– Вот именно. Все люди безумны, но только некоторые имеют мужество в этом признаться.

Вдруг зазвучала музыка, и, продолжая улыбаться, доктор Нестеренко вытащил из кармана серебряные часы-луковицу и посмотрел на циферблат. Мелодия часов была простая, незамысловатая и одновременно трогательная. Заметив интерес в глазах Владимира, Илья Никодимович пояснил:

– Швейцарские часы фирмы Бреге. Играют каждый час. Вот только завода хватает всего лишь на двенадцать часов – весьма ощутимое неудобство.

– Интересная мелодия, никогда не слышал.

– Она называется «Сердце Пандоры».

– Название тоже впечатляет. Видимо, имеется в виду Пандора, которая из любопытства выпустила из ящика всевозможные бедствия, обрушившиеся на человечество?

– В мифе это не ящик, а сосуд – пифос, – уточнил Илья Никодимович. – Он был получен ее мужем Эпиметеем от Зевса на хранение. Бедствия Пандора выпустила, а Надежда осталась на дне пифоса, скрытая от людей. Излишнее любопытство, бывает, приводит к трагическим последствиям.

– А при чем тут сердце Пандоры? Тогда должна быть любовная история.

– Я не знаю, что имел в виду автор этой мелодии. Впрочем, мне это безразлично.

Вернувшись вечером в гостиницу, Владимир испытал острое ощущение одиночества и снова стал сожалеть о том, что так легкомысленно покинул

родной дом, отца, город, в котором родился и вырос. В Киеве у него осталось много друзей, и там он никогда не ощущал себя одиноким, не имел возможности скучать, поскольку всегда было чем заняться. Дома он мог поговорить с отцом, собеседником очень умным и много знающим, сыграть с ним партию в шахматы, заодно обсудив какое-нибудь важное событие, произошедшее в городе или стране. Владимиру нравились дальние воскресные прогулки по Киеву, он всегда открывал для себя что-то новое, неизвестное в таком родном и знакомом городе. А сейчас он вынужден печально смотреть в окно, на улицу незнакомого города.

Впрочем, было еще не поздно, и он мог прогуляться по вечернему городу, далеко не удаляясь от гостиницы. Хотя особого желания отправиться на прогулку у Владимира не было, он надел шляпу, взял трость и вышел из номера. Решил пройтись по небольшой Воздвиженской, зайти в расположенную на ней Крестовоздвиженскую церковь, хотя вечерняя служба наверняка уже закончилась.

Выйдя во двор гостиницы, Владимир не спеша направился в сторону возвышающейся колокольни. Когда он уже подходил к церкви, его внимание привлекла триумфальная арка с башенками, подобная той, через которую он въезжал в город, только значительно меньше. За ней оказалась пешеходная торговая улочка, зажатая между одноэтажными домами, увешанными разноцветными вывесками различных магазинов. И Владимир свернул в нее, привлеченный ее необычностью.

От продавца, торгующего обувью, он узнал, что эта улочка носит гордое название Алексеевский пассаж, хотя не имеет крыши. Конечно, здешний значительно уступал масштабами киевскому Пассажу[10 - Имеется в виду старый Пассаж на Крещатике, 35, который имел выход на ул. Пушкинскую; он был разрушен в 1941 году.], куда Владимир любил ходить в синематограф Шанцера, и все же был довольно интересный. Здесь размещалось множество продовольственных магазинов, трактир с яркой аляповатой вывеской, на которой были изображены громадный алый рак и кружка с пенящимся пивом, магазины мануфактуры Щелкановцева, мебельная мастерская Миланского, обувное ателье Дубинина.

Внимание Владимира привлекла пошивочная мастерская некого Бертана Буаселье, заверявшего на вывеске, что использует только оригинальные лекала из Франции, а в качестве рекламы он выставил за стеклом искусно выполненную девичью фигуру, видимо, из воска, в красивом наряде. Лицо манекена было как у

живой девушки, только неестественно белое, с кружками грубо нарисованных румян. Манекен стоял вполоборота, и было в его позе что-то завораживающее, притягивающее взгляд. Уже отойдя от витрины, Владимир понял что: ощущение беззащитности, словно это была живая девушка.

Пассаж оказался совсем небольшой, и Владимир, дойдя до конца улицы, вышел на Богоявленскую улочку, где тоже было множество магазинов. Затем он прошелся до полицейского управления и вернулся в гостиницу. Прогулка не принесла никакого удовольствия, все было чуждым, немым. И Владимир решил скоротать вечер, дочитав до конца рассказ «Желтый знак» из сборника «Король в желтом» Роберта Чамберса.

Уже зловещий тон эпиграфа предупреждал о том, что читатель изрядно пощекочет себе нервы, столкнувшись с необычными и страшными событиями:

Пусть думает красный восход,

Что сделаем с ночью мы;

Звезд призрачный свет умрет,

Настанет царствие тьмы…

3

Очнувшись, Владимир почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Глаза тоже не открывались, зато веки стали прозрачными, и он мог видеть. Происходило нечто странное. Было шумно, возле него находилось множество людей, у изголовья стоял священник, размахивая кадилом, он что-то говорил нараспев.

«Где я? Что со мной происходит?»

Над ним наклонился мужчина, пристально вглядываясь в его лицо, и Владимир узнал Ловцова. Заметил его торжествующую, злорадную усмешку.

– Вам показалось, – сказал кому-то Ловцов, слегка повернув голову. – Мертвее я еще не видел. Обман зрения у вас был, так сказать, иллюзия! – Ловцов хихикнул.

«Кто – мертвый?! Что здесь происходит?! Он хочет сказать, что это я?!» Владимир пытался крикнуть, как-то дать знать, что он жив, но ничего не смог сделать. Странная неподвижность сковала все тело, но сознание было ясным.

«Люди, я живой! Неужели вы этого не видите? Люди-и!»

Внезапно он увидел рядом с Ловцовым богато одетую барышню, ту самую, из больницы, Софью Волобуеву, которую ошибочно похоронили, приняв за мертвую.

«Ведь теперь это угрожает мне! – ужаснулся Владимир. – Быть заживо похороненным!»

На этот раз девушка не была бледна, на щеках горели яркие румяна, а кожа необычно блестела. Она и Ловцов обменялись многозначительными взглядами, затем она кивком указала на Владимира.

– Выносите покойника! – сразу скомандовал Ловцов, видимо, он был распорядителем похорон.

«Моих похорон?! Я – покойник?! Этого не может быть – я живой!»

Владимир вдруг почувствовал, как словно закачался на волнах и поплыл вверх, а потом в сторону дверей.

– Да не так – ногами к выходу! – вмешался Ловцов.

«Я живой! Помогите! Спасите!» – в панике беззвучно кричал Владимир, но никто не слышал его призывов о помощи. Владимир увидел, что его уже вынесли во двор.

– Ставьте гроб на стол! – продолжал командовать Ловцов.

«Выходит, я в гробу?!»

И тут Владимир понял, что это все происки Ловцова, который знает, что он жив.

– Накрывайте крышкой гроб! – распорядился Ловцов, явно торопясь его похоронить, даже без отпевания.

«Что я ему сделал?! – терялся в догадках Владимир. – Ведь мы только вчера с ним познакомились!»

Вдруг стало темно и зловеще застучали молотки, вбивая гвозди в крышку гроба.

– Опускайте в яму! – нетерпеливо крикнул Ловцов.

«А-а-а! – беззвучно заорал Владимир. – Я живой! Живой!»

Комья земли забарабанили по крышке гроба.

И тут Владимир все понял! Ловцов так поступил с ним, потому что боится разоблачения! Софья Волобуева на самом деле – восковая фигура, она лишь притворяется живой! Ведь именно ее он видел вечером в витрине пошивочной мастерской!

В гробу было тесно, не хватало воздуха, и тут Владимир почувствовал, что вновь владеет своим телом. Он рванулся вверх, чтобы сорвать крышку гроба, пока на ней еще не много земли, и…

Владимир лежал на кровати, туго замотавшись в одеяло и уткнувшись лицом в подушку, что затрудняло дыхание. Он тяжело дышал, ощущая, как в груди лихорадочно бьется сердце после кошмарного сна.

– Больше не буду на ночь читать страшные рассказы! – вслух решил Владимир.

По-видимому, именно прочитанное вызвало ужасное сновидение, которое продолжало прокручиваться перед глазами, словно эпизоды фильма в синематографе.

Приехав в больницу, вникая в новую для него специфику работы, Владимир продолжал находиться под впечатлениями сновидения. Он ощущал настороженность и подозрительность по отношению к Ловцову, словно тот и в самом деле что-то замышлял против него. А увидев в коридоре барышню Софью, растерялся и стал внимательно всматриваться в нее, что крайне не понравилось ее спутнику. На этот раз это был не отец Софьи, а молодой мужчина лет тридцати, с аккуратно подстриженной бородкой, весьма щегольски одетый, подобно тем франтам, которые вечерами дефилируют по Крещатику между ресторанами и варьете с модно одетыми барышнями. В Чернигове, судя по тому, что успел увидеть Владимир, люди одевались гораздо проще, скромнее, чем в Киеве. Этот разряженный, пышущий здоровьем господин и очень бледная Софья, одетая в темное платье до пят, идущая с низко опущенной головой, представляли собой странную парочку.

Посторонившись, Владимир поздоровался, господин с бородкой лишь слегка кивнул, а Софья прошла мимо, видимо, ничего не замечая и не слыша. Теперь, пережив нечто подобное во сне, Владимир, как никто другой, понимал, что она чувствовала, оказавшись в гробу. А ведь она провела там многие часы! Как тут не лишиться разума?

Любопытство заставило Владимира найти Ловцова и расспросить о спутнике Волобуевой, обрисовав его внешний вид.

– Это Артем Новицкий, жених Софьи, сын аптекаря. Игрок, имеет образование провизора, но аптечное дело его не интересует. Периодически печатается в местных газетах как репортер. Вроде даже пописывает стишки и рассказики, я их не читал, поэтому характеризовать не буду. Что это вас так Софья заинтересовала? Или это всего лишь профессиональный интерес? После происшедшей с ней драмы никто не может сказать, вернется ли она когда-нибудь к прежней жизни, так что свадьба откладывается на неопределенное время. Хотя предполагаю, господина Новицкого больше интересует богатое приданое мадемуазель Софьи.

* * *

Дни следовали один за другим, похожие между собой, как близнецы. Владимир понемногу привыкал к своим новым обязанностям младшего лекаря и следовал как тень за доктором Нестеренко, изучая его методы лечения. Для него все было

внове, так как лекции по психиатрии на его курсе читали, многое из них он помнил, а вот общаться с психическими больными ему не приходилось. А это в его новой работе главное. Ведь арсенал применяемых здесь для лечения средств был невелик: из растительных препаратов – валериана, кофеин, мята, каннабис, скополамин, из минеральных веществ – соли брома, нитрат серебра, в исключительных случаях морфин. Из процедур – ванны, души и оборачивание мокрыми простынями. Основной упор Илья Никодимович делал на режим, уход и психологическое воздействие. Гипнозом Илья Никодимович владел в полной мере, и Владимир загорелся желанием этому научиться. Ему было удивительно наблюдать, как больной после нескольких фраз и пассов Ильи Никодимовича вдруг как бы погружался в сон и в этом состоянии мог отвечать на вопросы, или как его тело приобретало «восковую гибкость». В отделении работали четыре санитара; кроме Ловцова, старшего фельдшера, здесь был еще фельдшер Игнат Потапов. Ему было пятьдесят пять лет, он отличался услужливостью и тугодумием.

Как и предвещал Ловцов, нормальные отношения у Владимира с доктором Топаловым не сложились. Когда Нестеренко представил ему Владимира, тот лишь едва кивнул и отправился по своим делам. В отделении существовало негласное правило, в соответствии с которым врачам и другому персоналу заходить в «чужие» палаты не рекомендовалось. Поэтому обходить все палаты отделения могли только Геннадий Львович и Ловцов – в силу того, что был старшим фельдшером.

Геннадий Львович и Илья Никодимович задерживались в отделении до позднего вечера, и Владимир с ними оставался, хотя особой необходимости в этом не было. Однако у него было большое желание перенять их опыт, чтобы в недалеком будущем самостоятельно лечить больных. Но не только это было причиной. Владимиру в чужом городе было очень одиноко. Коллеги не проявили к нему интереса, держались на расстоянии, отношения с ними складывались сугубо деловые. А у Владимира выбор был невелик – либо оставаться на работе, либо идти в скудно обставленный гостиничный номер, и он выбирал первое.

Пациенты доктора Нестеренко особых проблем не создавали, послушно проходили назначенные процедуры. Исключение составлял Лещинский, с которым отношения у Владимира не сложились, впрочем, тот вел себя вызывающе и дерзко даже с Ильей Никодимовичем. Хотя Лещинский вроде бы ни во что не ставил Ловцова, Владимир чувствовал, что это больше игра их обоих на публику, а на самом деле Лещинский побаивался старшего фельдшера, как и

другие пациенты отделения. Это было очень странно, и Владимир никак не мог понять, с чем это связано.

Ловцов казался приветливым и услужливым, а порой буквально излучал добродушие. Однако, когда Владимир попытался сойтись с ним ближе, чтобы понять, что он за человек, у него ничего не вышло.

Когда Владимир как бы невзначай попытался узнать у врача Нестеренко его мнение о Ловцове, тот не раздумывая дал фельдшеру ту же характеристику, что и завотделением:

– Ловкий и хитрый, бестия, но дело свое знает!

Владимир заметил на столе в кабинете Нестеренко книгу «Толкование сновидений» и вспомнил о приснившемся ему кошмаре.

– Илья Никодимович, разрешите полюбопытствовать? – Владимир указал на книгу. – Мне ночью приснился очень странный сон, может, тут найду его толкование.

– Почитайте, думаю, вам будет даже полезно. – Нестеренко взял книгу и протянул ее Владимиру. – Это труд австрийского психиатра Зигмунда Фрейда, выдвинувшего теорию, что все причины возникающих у человека неврозов надо искать в детстве. Сновидения он толкует весьма интересно.

– Благодарю. Обещаю, что не буду держать ее долго.

– Напротив, не спешите, читайте вдумчиво. У меня имеются статьи этого психиатра о психоанализе, о развитии либидо, о том, как оно влияет на мотивации человека, о комплексах Эдипа и Электры.

– Либидо? Психоанализ? Что это такое?

– Прочитайте эту книгу, а потом придет черед других трудов этого психиатра. Читается легко, оторваться невозможно, хотя я не во всем с ним согласен.

Рабочий день оказался очень длинным, и в гостиницу Владимир возвращался чрезвычайно уставший, не столько физически, сколько от избытка впечатлений и копившегося у него внутри протеста против того, что приходится заниматься делом, которое ему неинтересно. Быстро поужинав в ресторане гостиницы, Владимир поднялся в свой номер и стал читать книгу. Автор и в самом деле очень увлекательно писал о сновидениях, приводил массу примеров из своей медицинской практики.

Фрейд утверждал, что сновидение – это проявление психики, которое требует изучения, и оно никогда не случается по пустячным поводам. Даже в самых невинных сновидениях всегда скрыта проблема, которая тревожит человека и требует разрешения. А мы не допускаем, что незначительное может тревожить нас во сне.

Владимир вооружился карандашом и на листке бумаги записал характеризующие сон ключевые слова: похороны (собственные), рубашка (смирительная), умысел (злой), коллега (на работе), кукла (живая), гроб (закрытый). Далее, следуя методу Фрейда, он стал поочередно рассматривать эти слова, вспоминал события, с этими понятиями связанные, и записывал все, что приходило в голову, ловил ассоциации. Когда через час Владимир прочитал свои записи, то чуть не взвыл – это была самая настоящая белиберда, в написанном не улавливалось никакой логики.

«Мне нужно расслабиться, я слишком напряжен. Это ведь творческий процесс, следует искать не изначально заложенное значение слова, а ассоциацию, какую оно вызывает», – решил он.

Владимир вышел в коридор, позвонил в колокольчик, и через пару минут примчался веснушчатый мальчишка.

– Чего изволите, барин?

– Слетай-ка, братец, в ресторан и принеси мне бутылку «Шустова»! – Владимир дал деньги, и мальчишка умчался.

Крепкие напитки Владимиру не нравились, он предпочитал вина, но сейчас для скорейшего достижения нужного эффекта послал за бутылкой коньяка. Посыльный очень быстро вернулся и, получив за услугу четвертак, остался очень

доволен.

Пить коньяк Владимиру не хотелось, но он достал из буфета рюмку на тонкой, хрупкой ножке, наполнил ее янтарной жидкостью и, поднеся ко рту, понюхал. Запах был приятный, хотя и резковатый. Одним движением Владимир опрокинул первую рюмку и сразу наполнил ее еще раз, но пить повременил.

Вскоре он ощутил приятное расслабление, а голова, наоборот, стала четче работать. Владимир снова стал изучать написанное, и это уже не показалось ему полной бессмыслицей.

«Похороны вызвали у меня воспоминания о приезде в Чернигов, как тревожили мысли о том, что начинается новый этап жизни; смирительная рубашка ассоциировалась с назначением в психиатрическое отделение, работа в котором мне была не по душе и вызывала внутренний протест. Злой умысел и коллега навеивали ассоциации, связанные с первым рабочим днем, когда все было для меня внове, а после приснившегося ночного кошмарного сна непроизвольно появилось некоторое предубеждение против фельдшера Ловцова, человека для меня пока непонятного. И, по всей видимости, это означало, что нужно держаться на расстоянии от этой „темной лошадки“». То же самое касалось психопата Лещинского, находящегося в больнице на особом положении: вроде больной, а процедуры ему не назначают. Лишь иногда доктор Нестеренко вызывал его на беседу в свой кабинет тет-а-тет. К чему приснилась девица Волобуева, да еще в образе куклы, Владимир не смог понять, разве что это ассоциировалось с поразившим его манекеном в пошивочной мастерской. Но что это могло означать, Владимир так и не сообразил, возможно, его просто сильно потрясла трагическая история этой девушки, заживо похороненной. Гроб, в котором его похоронили, Владимир воспринял как предупреждение. Но о чем? О какой опасности? Он человек новый, никого в городе не знает, по злачным заведениям не шатается, в азартные игры не играет. Тогда чего следует опасаться?

«Надо быть крайне осторожным и не заводить знакомства с кем попало, – решил Владимир. – Пока достаточно знакомства с адвокатом Семыкиным и общения на работе. А там будет видно».

Ложиться спать было еще рано, но Владимир отказался от чтения привезенных с собой книг, повествующих о вещах ужасных и таинственных. Выпил налитую рюмку коньяка, чтобы поскорее уснуть, выключил свет и лег на кровать. Заснул

он довольно быстро и незаметно для себя. На этот раз ему что-то снилось, но ускользало из сознания.

Внезапно Владимир проснулся, будто от какого-то толчка. Шторы не были задвинуты, за окном властвовала густая темень, ее не мог разредить тусклый свет ночных светил. Ужасно хотелось пить. Владимир встал, подошел к столу и, налив из графина воды в стакан, начал пить маленькими глотками. Вода была теплая и невкусная.

За окном послышалось громыхание едущего по брусчатке экипажа. Владимир подошел к окну и посмотрел на улицу. Мимо гостиницы проезжала черная карета, кучер, несмотря на теплую ночь, был в плаще с низко надвинутым остроконечным капюшоном. Окна кареты были плотно завешены. И тут Владимир ощутил, что его объял непонятный страх, а вызван он видом этого экипажа.

«Но почему?! – Он не мог себе этого объяснить, только смотрел вслед странной черной карете, пока она не исчезла из его поля зрения. – Черная… Уж не катафалк ли это? Впрочем, карета может быть любого цвета, просто в темноте „все кошки черные“! Да и выглядит эта карета совсем не как катафалк».

Теперь ему было совсем не страшно, словно карета увезла с собой его непонятно чем вызванный страх. Он вернулся в постель, но сон долго не хотел к нему возвращаться.

4

Первая рабочая неделя пролетела удивительно быстро. В воскресенье в больнице был выходной, в отделениях оставались лишь дежурные санитары. Хотя Владимир уже целую неделю жил и работал в Чернигове, с городом он толком не познакомился, видел его лишь из окна экипажа по дороге на работу и возвращаясь обратно поздним вечером. Каждодневный один и тот же маршрут вызывал у него странное ощущение, что он давно живет тут, а прошлая киевская жизнь не иначе как сон. Все, что он видел, казалось ему одной бесконечной Шоссейной улицей. Чернигов поражал контрастами. В начале улицы превалировали простенькие одноэтажные деревянные домики в

окружении фруктовых деревьев; внезапно, словно расталкивая их, появлялись солидные усадьбы с чугунными решетчатыми заборами и снова исчезали, отдавая первенство простоте. Затем, без всякого перехода, начинались городские кварталы с двух-и трехэтажными каменными домами.

Утром, не спеша позавтракав в гостиничном ресторане, которому, по мнению Владимира, больше подошло бы название «харчевня» из-за скудости предлагаемого меню, он отправился на прогулку, решив посвятить день знакомству с городом. Чернигов резко отличался от растущего в ширину и высоту Киева с его широкими улицами, всегда многолюдными в центре. Чернигов по сравнению с ним выглядел сонным провинциальным, малолюдным, отнюдь не губернским городом. Он утопал в зелени садов, был преимущественно одно-и двухэтажным, редко встречались трехэтажные здания, а более высоких Владимир пока и не видел.

Он не стал брать извозчика, решил пройтись пешком до самой старой части города, где ранее находилась крепость. Теперь эта местность имела несколько странное название Валы. По дороге Владимир купил у мальчишки с внушительной охапкой газет местную – газету «Черниговские вести». Идти пришлось почти версту, зато скверы оправдали его ожидания, особенно Константиновский. Широкие, ухоженные тенистые аллеи, скамейки для отдыха, веранды. Издалека слышалась музыка – играл духовой оркестр, и это напомнило ему родную Владимирскую горку, где он часто гулял с друзьями. Здесь также росли липы, дубы, клены и, что было для него неожиданно, каштаны. Людей было много, прогуливались парочки, целые семьи, что говорило о том, что этот сквер пользуется у черниговцев большой популярностью. Владимиру вдруг стало тоскливо – в этом чужом городе он был совсем один, здесь у него не было ни друзей, ни хороших знакомых, с которыми мог бы приятно проводить часы досуга. В очередной раз он пожалел о том, что уехал из Киева, теперь он понимал, что решение это было необдуманным, им двигало стремление отделаться от порой надоедливой опеки отца. Он вспомнил, как отец провожал его на пристань, расстроенный из-за его отъезда. Всегда уверенный в правильности своих решений, в тот момент он выглядел растерянным и сильно постаревшим. И неожиданно увидел его таким, каким он и был сейчас, – человеком уже в летах, со слабым здоровьем, любящим сына и желающим ему только хорошего, и очень одиноким.

«Я так же одинок здесь, как отец там. Я поступил неправильно!» – подумал Владимир.

Прогуливаясь, он вышел к выстроившимся в ряд старинным орудиям, грозно смотревшим с высоты вала на Десну и словно до сих пор готовым к отражению атаки противника. Уличный фотограф, накинув на голову черную материю и прильнув к своему уже устаревшему аппарату на треноге, снимал семью – бравого господина с усиками и в котелке, нежно обнимающего за талию миловидную жену, и их детишек лет шести и восьми, которые забрались на огромную по сравнению с ними пушку и никак не могли замереть на необходимые полминуты.

Владимир полюбовался открывшимся видом на живописные Болдины горы, купола древнего Елецкого Успенского и Троицкого монастырей.

Со стороны большого двухэтажного деревянного здания, расположившегося на самом краю вала, доносилась музыка. Владимир направился туда. Подойдя ближе, он увидел открытую террасу, на которой за столиками сидели люди. Оказалось, что в этом здании находится летняя сцена Народного театра, а на открытой террасе работает ресторан. Посчитав, что выпить чашечку кофе с пирожным эклер будет совсем не лишним (сладкое он очень любил), Владимир устроился за свободным столиком и в ожидании сделанного официанту заказа развернул газету. Он пробежал глазами заголовки статей – ничто не привлекло его внимания. Внезапно обрывки долетающего до него разговора сидевших за соседним столиком господ его насторожили.

– Это уже вторая жертва… надо быть чудовищем, чтобы совершить такое…

Владимир не выдержал и повернулся, чтобы взглянуть на беседующих. Он увидел широкую спину, обтянутую темным пиджаком в полоску, и сидевшего напротив этого мужчины своего знакомца с парохода. Тот, почувствовав, что на него смотрят, поднял на Владимира глаза, тоже его узнал и радостно воскликнул:

– Какая встреча! Как вам живется на новом месте, Владимир Иванович? Подсаживайтесь к нам!

Владимир принял приглашение и пересел за их столик.

– Олег Борисович Катасонов, судебный следователь, – представил Петр Семенович своего товарища, крупного краснолицего мужчину, видимо

страдающего от избытка крови.

– Как вам наш город? Уже освоились?

– Много работы, вот только сегодня удалось выделить время на прогулку. Милый городок, но слишком сонный.

– Сонный?! – со странной ухмылкой переспросил следователь. – Это, конечно, не Киев, но хлопот по моей части предостаточно. Так что сонное лицо города весьма обманчиво. Пройдитесь в ночное время по некоторым околицам, пользующимся недоброй славой, и у вас сложится совершенно другое мнение.

– Вот как? К счастью, я не люблю гулять в темное время суток.

– В центральных районах города вы можете, ничего не опасаясь, гулять себе на здоровье хоть круглосуточно, – поспешил успокоить Владимира Петр Семенович. – Грабежи у нас редко случаются, в основном мелкие кражи. Питейных заведений много, отсюда и хулиганство.

– А убийства? – Владимир вспомнил обрывки услышанного разговора.

Следователь и адвокат переглянулись.

– Случаются. – Адвокат понизил голос: – Три дня тому назад в реке обнаружили труп местной жительницы со следами насильственной смерти. Это уже вторая жертва, судя по способу убийства, одного и того же преступника.

– Убийцу нашли?

– Ищем, – тоже тихо произнес следователь. – Непонятны мотивы совершения преступления. Пока подозреваемых нет.

– Очень странные убийства, – добавил адвокат. – Словно из бульварного романа про монстров.

– Даже так? – удивился Владимир. – В чем же их странность?

Адвокат вопросительно посмотрел на следователя, и тот кивнул, давая свое согласие, хотя и с явной неохотой.

– В найденных трупах не осталось ни грамма крови, – сообщил адвокат и тут же предостерег: – Сами понимаете, об этом не стоит никому рассказывать. Впрочем, слухи по городу уже ходят.

– Сумасшедший убийца? – предположил Владимир и невольно вспомнил о пациентах психиатрического отделения.

– Не исключено, а может, убийца таким образом хочет скрыть свои истинные мотивы, увести следствие по ложному следу. – Следователь пожал плечами.

– Если тело очень долго находится в воде, оно может приобрести вид обескровленного, – вспомнил Владимир лекцию по судебной медицине профессора Миклошевича, для наглядности прочитавшего ее прямо в анатомическом театре.

Следователь с интересом посмотрел на Владимира:

– Такое возможно?

– Вполне, если тело находилось в воде более двух недель. Зависит еще от времени года, вернее, от температуры воды.

Следователь с сожалением произнес:

– Последняя жертва пропала неделю назад, но смерть наступила примерно полтора суток назад. – И тут же он живо поинтересовался: – Вам приходилось делать вскрытие трупов?

– В университете я готовился стать хирургом и в «анатомичке» бывал не раз. Практикум вел профессор Миклошевич, его неоднократно привлекала полиция к проведению секции тел, если предполагали, что произошло убийство, и он давал заключение о причине смерти. Профессор на лекциях рассказывал нам об интересных случаях из своей практики, на что обращать внимание при судебно-медицинском исследовании. Он полагал, что надо попрактиковаться на десятках

трупов, прежде чем оперировать живого человека.

– Прекрасно! – обрадовался следователь. – Вы ведь в городской больнице работаете? Как вы смотрите на то, что я буду привлекать вас для вскрытия криминальных трупов? У нас штатного судебного медика нет, привлекаем хирурга Куроедова из городской больницы.

– Я не имею практического опыта, обладаю лишь теоретическими познаниями, полученными во время учебы в университете, – чистосердечно признался Владимир. – Я слышал от главврача, что Осип Гаврилович Куроедов хирург с большим опытом, он даже участвовал в военных действиях.

– Я ничего против Осипа Гавриловича не имею. Он хороший хирург, но… Мы здесь живем в глуши, а медицина все время шагает вперед, и Куроедову непросто узнавать обо всех новшествах, так что нужна, как говорится, «свежая кровь». Как вы думаете, справились бы с обязанностями судебного медика?

Владимиру было неловко признаться, что в больнице он и не хирург, и не патологоанатом, а лечит психов. Владимир понимал, что быть судебным медиком – это огромная ответственность, к тому же на данный момент он не обладал необходимым объемом знаний. Поэтому он лишь пробормотал:

– Это зависит не от моего желания. Я человек в больнице новый…

– Не беспокойтесь, мы это утрясем, – решительно заявил следователь.

Владимир вспомнил разговор с Семыкиным по приезде в город и поинтересовался:

– Вам удалось узнать, с какой целью выкрали труп с кладбища?

Следователь насторожился и, подозрительно прищурившись, посмотрел на Владимира:

– Это вы о чем?

Семыкин тут же прояснил ситуацию:

– Я Владимиру Ивановичу рассказал о пропаже тела Кузякина, вот он и интересуется.

– Пока не обнаружили ни тела, ни злоумышленников. Ищем-с!

Владимир заметил, что Семыкин и Катасонов переглянулись, словно заговорщики. Видимо, тут крылось что-то еще, о чем они не хотели ему рассказывать.

«Ну и бог с вами! Мне и неинтересно!» – мысленно произнес Владимир.

Семыкин, заметив поднявшегося на террасу высокого грузного человека с багровым лицом, в светлом костюме и соломенной шляпе, приподнялся и крикнул:

– Макар Леонтьевич! Милости просим к нашему столику!

Мужчина, вытирая пот с лица платком, слегка прихрамывая, подошел к ним и сразу пожаловался:

– Ужасная жара! Когда она закончится, господа?

– А то вы не знаете, Макар Леонтьевич! – Катасонов раскатисто захохотал. – Осенью!

– Наверное, вы с вашим коллегой уже знакомы? – поинтересовался у него Семыкин, имея в виду Владимира.

Багроволицый бросил на Владимира брезгливый взгляд и сухо ответил:

– Не имею чести знать!

– Владимир Иванович Шульженко, – представил своего знакомого Семыкин, – с недавних пор работает в той же больнице, что и вы, Макар Леонтьевич. Видимо, ваши пути не перекрещивались. Прошу любить и жаловать!

– Работаю в нервно-психиатрическом отделении, – вынужден был признаться Владимир.

– Доктор Фортунатов Макар Леонтьевич, главный гинеколог нашего города, – представил багроволицего Семыкин.

– Значит, психов лечите, – пренебрежительно заметил Фортунатов. – Ну и как вам у нас?

– Работаю всего неделю, пока осваиваюсь, – не стал вдаваться в подробности Владимир. Фортунатов ему крайне не понравился – за версту было видно, что он человек чванливый, этакий себялюбивый гордец, который цену себе не сложит.

– А мы тут Владимира Ивановича стращаем, знакомя его с уголовным миром нашего сонного городка, – почувствовав возникшую напряженность, произнес Семыкин делано веселым голосом. – Вы как, Макар Леонтьевич, вечерами не боитесь выходить на променад?

– Бояться надо дурных болезней, больше шансов их подхватить, чем лишиться кошелька в вечернее время. – Фортунатов говорил отрывисто.

– Конечно, кому, как не вам, об этом знать! – хохотнул Катасонов. – Вы же бывший дерматовенеролог!

– Между прочим, полицейский жетон от венерических заболеваний не защищает. – Фортунатов холодно посмотрел на следователя. – Ваши тоже у меня лечились. Работы в этой сфере очень много, если по уму, надо создавать целое отделение и больных изолировать, а то сейчас лечат всех гамузом.

– Что же это мы все о делах да о работе! – Семыкин понял, что беседа не завязывается. – Давайте прокатимся на извозчике, покажем Владимиру Ивановичу город, а затем отобедаем в «Бристоле» – прекрасный ресторан с великолепной кухней. Вы не поверите, там главный повар – француз, месье Жорж! Так что у нас не такая уж глухомань, коль французы приезжают сюда работать!

– Нашли чем хвалиться – лягушатником! – недовольным тоном произнес Фортунатов. – Здесь тоже кухня неплохая и не так жарко, как в вашем «Бристоле». Я остаюсь. – Он подозвал официанта и сделал заказ.

– Петр Семенович, вы бы лучше показали Владимиру Ивановичу наши древнейшие святейшие церкви, там внутри такая красота! – посоветовал Катасонов. – В нашем городе на каждом шагу свидетельства славных дел храбрых воителей Киевской Руси, героических лыцарей-казаков, поставивших заслон туркам, татарам, ляхам! От крепости, к сожалению, мало что осталось, зато церквей, святых мест не меньше, чем в Киеве! Обязательно сходите в святые Антониевы пещеры!

– Прекрасно сказано! – поддержал приятеля Семыкин. – Идемте на Соборную площадь, оттуда на извозчике проедемся до Елецкого монастыря, затем направимся к Болдиным горам, побываем у кургана, где, по преданию, покоится тело князя Черного, основателя нашего города.

Следователь достал из кармана серебряные часы-луковицу и открыл их, чтобы узнать время.

– К моему глубокому сожалению, не смогу вам составить компанию. У нас выходных нет, а тут, понимаете ли, труп, да еще при таких обстоятельствах. – Следователь тяжко вздохнул, поднимаясь. – Бургомистр, полицмейстер постоянно интересуются, как идет расследование. Честь имею!

Владимир с адвокатом покинули ресторан, оставив ужинать в одиночестве доктора Фортунатова, и не спеша направились в сторону Соборной площади. Петр Семенович снова выполнял обязанности гида.

– Во времена Киевской Руси Чернигов был достойным соперником Киеву, не уступал ему ни размерами, ни количеством проживающего тут населения. Неоднократно черниговские князья занимали великокняжеский престол в Киеве. После монгольского нашествия Чернигову потребовались многие сотни лет, чтобы хоть немного оправиться. Даже в семнадцатом столетии, после восстания Богдана Хмельницкого, когда Чернигов стал полковым городом, он занимал площадь в разы меньшую, чем во времена Киевской Руси. Часть города, где мы находимся, называлась Детинцем, и она была наиболее укреплена; к ней примыкал Верхний замок, там сейчас лишь смотровая площадка с чугунными

пушками, подаренными городу после Полтавской битвы. Это был самый центр города, здесь находились полковая канцелярия, магистрат, дома состоятельных горожан, а также самые древние церкви времен Киевской Руси. Кстати, полковую канцелярию в народе прозвали домом Мазепы. По легенде, там ночами бродит призрак его любовницы Мотри, охраняя спрятанные сокровища гетмана. Хотя этот дом был построен полковником Яковом Лизогубом и Мотря вряд ли тут хоть раз побывала при жизни.

Они прошли мимо великолепного здания коллегиума, оттуда хорошо просматривались остатки вала и рва, окружающих город. Затем вышли на Соборную площадь и подошли к пятикупольной церкви, стоящей за оградой.

– Это Борисоглебский собор, его возвели в двенадцатом столетии, потом неоднократно перестраивали, изначально он имел строгий вид, в византийском стиле, у него был один центральный купол[11 - Первозданный вид был возвращен ему, насколько это было возможно, в результате реставрации в 1960 году.]. Обязательно надо зайти внутрь, чтобы увидеть искусно выполненный иконостас и позолоченные Царские врата.

Когда они зашли в собор, адвокат перешел на шепот:

– Правда, Царские врата впечатляют? Их высота более трех метров, на их изготовление пошло около шестидесяти килограммов серебра и золота. Заметьте, какая тонкая ювелирная работа! Их изготовили из серебряного языческого идола, найденного при строительстве коллегиума. Работа иностранных мастеров при содействии, – голос адвоката стал еще тише, – гетмана Ивана Мазепы. Как бы то ни было, а Мазепа был меценат и много личных средств выделял на строительство и оборудование церквей. Как это символично: серебряного языческого идола переплавили для Царских врат по приказу гетмана, которого предают анафеме и поныне!

Выйдя из собора, они продолжили прогулку по центральной части города. Адвокат указал на церковь с необычными, вытянутыми, остроконечными золочеными шпилями.

– Это Спасо-Преображенский собор, его начали строить на несколько лет раньше, чем Софийский в Киеве. Однако после смерти великого князя Мстислава Владимировича строительство затормозилось. Считается, что в этом соборе

византийские мастера повторили архитектуру киевской Десятинной церкви, однако, к глубокому сожалению, из-за разных бедствий, в том числе и пожаров, пришлось несколько раз перестраивать это здание, так что о том, как оно выглядело в древности, можно только догадываться. Давайте заглянем внутрь, там сохранилась часть оригинальных фресок и богатой мозаики, украшавшей стены и пол. Думаю, воображение вам поможет представить, какое тут было великолепие.

5

Во вторник утром, когда доктор Нестеренко вместе с Владимиром делал обход больных, в их отделении появился санитар-татарин из главного корпуса больницы.

– Антон Харлампиевич его ожидают-с! – сообщил санитар доктору Нестеренко, указав на Владимира. – Велели поторопиться!

По лицу Нестеренко промелькнула тень удивления и недовольства.

– Конечно идите, Владимир Иванович. Надеюсь, главный врач вас надолго не задержит.

Направляясь в главный больничный корпус, Владимир терялся в догадках, зачем это он вдруг понадобился главному врачу, которого за неделю своего пребывания здесь ни разу не видел. Не выдержав, он поинтересовался у санитара:

– Послушай, братец, не знаешь, зачем меня вызвал Антон Харлампиевич?

– Мне неведомо, – кратко ответил санитар, у которого было непроницаемое лицо, но Владимир ему почему-то не поверил.

Когда Владимир вошел в кабинет главного врача, тот, явно несколько растерянный, пояснил, по какой причине его позвал, и она не совпала ни с одним из самых смелых предположений Владимира:

– Приехал судебный следователь, господин Катасонов.

Владимир вспомнил своего нового знакомого, с которым довелось пообщаться во время воскресной прогулки.

– Он хочет, чтобы вы приняли участие во вскрытии тела, которое сегодня привезли полицейские. – Антон Харлампиевич выдержал небольшую паузу. – Вы совсем новый человек здесь, откуда знаете господина Катасонова?

– Нас познакомил в минувшее воскресенье адвокат Семыкин Петр Семенович.

– Ну что ж, вы весьма успешно обзаводитесь знакомствами в нашем городе. Адвокат, следователь… – Антон Харлампиевич помолчал, и Владимир не понял, осуждает или одобряет он эти знакомства? – Селим вас проводит в прозекторскую, наш хирург уже там – у вас появилась возможность ближе с ним познакомиться.

Татарин сначала отвел Владимира в небольшую комнату со шкафами и умывальником, где стоял устойчивый резкий запах дезинфицирующих средств. Здесь Владимир надел серый холщовый халат, шапочку, резиновые перчатки. После этого Селим повел его по коридору к прозекторской, и они чуть не столкнулись с двумя выходящими оттуда женщинами. Одна из них, дама средних лет, в черном платье и темной вуали, скрывающей ее лицо, вышла пошатываясь, вторая, очень бледная и взволнованная девушка, крепко поддерживала под руку свою спутницу. Владимир понял, что следователь только что провел опознание и это, по всей видимости, родственницы убитого.

Прозекторская оказалась небольшой светлой комнатой на два окна, с двумя столами, обитыми жестью, с отверстиями для стока жидкости, под которыми стояли ведра. На столе у окна лежал обнаженный труп молодого мужчины. Здесь все пропитал запах дезинфицирующих средств, к которому примешивался сладковато-приторный запах, сопровождающий смерть. Владимиру невольно вспомнилась прозекторская в анатомическом театре на Фундуклеевской, где запахи формалина, мочи, кала, полуразложившейся плоти смешались в удушающий коктейль, мгновенно вызывающий тошноту.

У стола с трупом находились хирург Осип Гаврилович, уже знакомый Владимиру следователь Катасонов Олег Борисович и незнакомый фельдшер. Все они были также соответствующим образом экипированы для проведения аутопсии. Владимир почувствовал себя неловко под насмешливым взглядом старого хирурга.

– Проходите, молодой человек, без вас не можем начать, – иронично произнес Осип Гаврилович. – Таково пожелание господина следователя.

– Да, я настоял на том, чтобы у вас был помощник, – нимало не смущаясь, произнес следователь. – Ибо одна голова хорошо, а три лучше.

– Итак, молодой человек, запамятовал ваше имя, с чего начнем? – все с той же иронией в голосе произнес хирург, и Владимира его тон задел, но он решил пока на него не реагировать.

– Владимир Иванович, с вашего позволения, – спокойно произнес он. – А начнем, как обычно, с осмотра тела.

– Приступайте, любезный, а я уже имел возможность это сделать.

Владимир, переворачивая тело, быстро и умело произвел наружный осмотр. Кожный покров трупа был тускло-серого цвета, Владимир пальпировал трупные пятна, отмечая изменение их цвета при нажатии.

– Мужчина, не старше двадцати пяти лет. Судя по размеру и цвету трупных пятен, степени окоченения конечностей, смерть наступила не менее двадцати часов тому назад. Вероятная причина смерти – вскрытие наружной сонной артерии острым предметом, возможно, скальпелем или другим инструментом с тонким лезвием. На руках и ногах имеются следы от пут, судя по оставшемуся узору на запястьях, веревок, – уверенно произнес Владимир, глядя на хирурга.

– Что ж, коллега, наши мнения совпали. – Хирург одобрительно кивнул и добродушно улыбнулся. – Тогда продолжим.

Взяв скальпель, он сделал продольные разрезы на груди трупа и отвел кожу в стороны, словно материю. Затем хирург сменил скальпель на нож-секач,

разрубил уверенными ударами ребра и, быстрым движением вскрыв грудную клетку, развернул ребра в стороны, словно это был какой-то диковинный конструктор, открыв доступ к внутренним органам. Надрезав околосердечный мешок, хирург погрузил руки внутрь и одним движением извлек органы сизого цвета – сердце, легкие, трахеи и бронхи. Хирург вслух характеризовал их состояние, после чего передавал их Владимиру, а тот складывал все это в тазик. Затем они перешли к внутренним органам брюшной полости. Вскрытие черепной коробки хирург поручил Владимиру, произнеся с усмешкой:

– Вам, как психиатру, привычнее копаться в мозгу. Да и с пилкой управляться мне, старику, уже тяжеловато. Это, конечно, не дрова пилить, но все же…

Через полтора часа вскрытие было закончено, в прозекторской оставили одного фельдшера, ему предстояло привести тело в порядок – поместить обратно внутренности и зашить места вскрытия, – прежде чем передать его родным для погребения.

Сменив халаты, они собрались в комнате хирурга.

– Как и в предыдущих случаях, смерть наступила в результате потери крови, – резюмировал Осип Гаврилович. – Больше ничего добавить не могу. Кому-то понадобилась его кровь, с какой целью – предстоит выяснить следствию.

– Предыдущими жертвами были молодые женщины. В этот раз убит молодой человек, – вслух размышлял следователь. – Это не слабая барышня, а физически хорошо развитый мужчина, который мог постоять за себя. Однако следов, говорящих о том, что он сопротивлялся, не обнаружено. Видимо, его удалось связать с помощью какой-то уловки. Но самым необычным есть метод убийства – обескровливание. Для чего это было сделано, с какой целью? Религиозные фанатики совершали ритуалы? Иная версия мне не приходит в голову!

– Ритуальное убийство в нашем губернском захолустье? Сатанисты, революционеры, сектанты? – Хирург рассмеялся. – Вы еще скажите, что снова восстал из мертвых черниговский упырь!

– Какой упырь? – заинтересовался Владимир.

– Вам еще никто местную легенду о нем не рассказывал? – с усмешкой спросил хирург.

– Нет.

– Во времена казачества жил в нашем городе весьма уважаемый человек. Одно время он был черниговским полковником, и власти у него было больше, чем ныне у губернатора. Затем он стал генеральным обозным всего казачьего войска, по значению вторая фигура после гетмана, это все равно что начальник штаба армии. Вроде бы царский воевода предлагал ему булаву гетмана всея Малороссии в обмен на изрядное количество червонцев, но обозный был чрезвычайно скуп. Уступил он гетманскую булаву Ивану Мазепе и не прогадал – Мазепа, став гетманом, сторицей ему воздал. Звали этого славного казака Василий Касперович Дунин-Борковский.

– Так кто же был упырем? – недоумевал Владимир.

– Все началось после смерти Дунина-Борковского. Нашлись очевидцы, утверждавшие, что этот мертвец ночами в черной карете, запряженной шестеркой вороных коней, въезжал в город и у того, кто встречался ему на пути, кровушку до последней капли выпивал, а потом ехал пировать в свое поместье. Жители города взбудоражились. Вот тогда известный архиепископ Иоанн Максимович вместе с церковными чинами подстерег упыря, когда тот ночью ехал через Красный мост, направляясь в свое имение, расположенное за речкой Стрижень. Архиепископ вышел ему навстречу со святым крестом и крикнул: «Изыди!» Сатанинские слуги и упырь вместе с каретой свалились с моста в речку. Больше упыря в городе не видели.

– Это всего лишь легенда, – поднимаясь из-за стола и недовольно морщась, произнес следователь. – Вам, Осип Гаврилович, лишь бы шутки шутить и байки рассказывать! А дело-то серьезное, если в ближайшее время не распутаю эти убийства, неприятностей не оберешься. – Он, обведя взглядом хирурга и Владимира, бросил: – Честь имею! – и вышел из кабинета.

– Так значит, этот Дунин-Борковский был реальной исторической личностью? – спросил у Осипа Гавриловича Владимир.

– Да. Его потомок, историк и этнограф Николай Маркевич, пересказал эту легенду в своей книге «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян», а в «Истории Малороссии» назвал его упырем. И поведал о том, что еще в начале прошлого века на стене Свято-Троицкого собора было изображено сошествие упыря в ад, то ли по приказу самого Василя Дунина-Борковского незадолго до его кончины, то ли в наставление верующим.

– Хоть это легенда, но наверняка есть какое-то объяснение тому, что столь известная личность вдруг стала вурдалаком?

– Может, и есть, но я об этом не слышал. Признаюсь, мне неинтересны небылицы, которые со скуки или со страха придумывают люди.

Вернувшись в психиатрическое отделение, Владимир застал в кабинете у Нестеренко Лещинского, сидевшего в обычной развязной позе, положив ногу на ногу.

– Прошу прощения, я зайду позже. – Владимир ретировался, посчитав, что врач проводит беседу с больным.

– Наоборот, вы как раз вовремя! – остановил его Нестеренко. – Заходите, Владимир Иванович. Господин Лещинский нас покидает, пожалуйста, подготовьте документы для выписки.

Владимир с изумлением посмотрел на врача. Уж кого-кого, но психопата Лещинского с его всплесками агрессивности и непредсказуемым поведением стоило бы еще подержать в больнице. Но он решил, что Нестеренко врач опытный и ему виднее.

– Слушаюсь, Илья Никодимович.

– Располагайтесь в моем кабинете, вот документы, – Нестеренко указал на стопку папок на столе, – а мне нужно к больным.

– Да и мне надо приготовиться к отъезду из вашего вонючего заведения, – сказал, поднимаясь, Лещинский.

– За вами приедут? – спросил Владимир, открывая папку с историей болезни.

– Ну не пешком же мне отсюда уходить! – Лещинский торжествующе рассмеялся и вышел из кабинета.

Уже заверяя у Нестеренко документы на выписку, Владимир не удержался и поинтересовался, не поспешил ли тот с этим решением? Лещинский непредсказуем и ощущает свою безнаказанность, а это может привести к весьма плачевным последствиям.

– У него очень уважаемые и состоятельные родители, они пообещали присматривать за ним, – довольно холодно произнес доктор Нестеренко, искоса взглянув на него, – мол, кто ты такой, чтобы об этом рассуждать?

Но Владимир не смог смолчать:

– В городе происходят убийства, возможно, преступник сродни Лещинскому, как и он, упивается свободой и вседозволенностью.

– Позволю себе не согласиться с вашими выводами, – совсем ледяным тоном прервал его доктор Нестеренко. – Убийства, о которых говорит уже весь город, тщательно готовились, раз до сих пор не раскрыты и убийца не разоблачен, а истерики типа Лещинского поступают необдуманно, спонтанно, оставляют массу следов и тем самым себя выдают.

– Вы согласны, что Лещинский представляет угрозу для общества? – упорствовал Владимир.

– Гораздо более опасны так называемые «тихони», у которых непонятно что творится в голове, вот их поступки действительно непредсказуемы. Родители Лещинского предупреждены о том, чего можно от него ожидать, и будут присматривать за ним. Вся ответственность за него полностью лежит на них.

– Среди наших пациентов есть такие «тихони»? – поинтересовался Владимир, но доктор Нестеренко сделал вид, что не услышал вопроса.

Вечером, вернувшись в гостиничный номер, Владимир стал обдумывать события прошедшего дня. В городе орудует убийца, свои жертвы он обескровливает. Исходя из результатов вскрытия, он это делает не с помощью клыков, а использует режущий инструмент, возможно, скальпель. И хотя было ясно, что действует не мифический вампир, упырь, а вполне конкретный убийца или убийцы (ведь последнюю жертву, крепкого мужчину, в одиночку непросто связать), у Владимира возникло предчувствие, что с этим вполне может быть как-то связана легенда о черниговском вурдалаке. Возможно, она каким-то образом подтолкнула убийцу к совершению этих зверств. И может оказаться, что преступник имеет психические отклонения.

Каков мотив убийцы? Что для него важнее – кровь жертв или сам процесс их обескровливания? Или это просто коварная уловка, попытка подбросить следствию ложную версию?

Тут Владимир спохватился: «А зачем мне все это? Ломаю себе голову, словно решил вести собственное расследование». Но он внезапно загорелся этой идеей. «Почему бы и нет? – думал он. – Будет мне развлечение, вроде как участие вживую в кем-то придуманной детективной истории. Понятное дело, я не смогу разоблачить реального убийцу, не раскрою здешние загадочные убийства, но поучаствую в этом. Кто знает, может, все это подтолкнет меня к написанию занимательного рассказа в стиле Эдгара По или того же Чамберса? Ведь как интересно этот Чамберс закручивает сюжеты своих рассказов вокруг некой мифической пьесы, прочтение которой грозит сумасшествием или даже смертью. При этом сама пьеса остается неизвестной, автор через персонажей рассказов дает небольшие ремарки, заставляя воображение читателя работать на полную».

Приняв решение, Владимир задумался: с чего начать? И он решил собрать как можно больше сведений о реальной исторической особе – Василии Касперовиче Дунине-Борковском, а также слухи, легенды, имеющие к нему отношение. Первоначальную наводку – где и что искать – может дать всезнающий адвокат Семыкин, и Владимир решил нанести ему визит не откладывая, уже на следующий вечер. Всю собранную информацию Владимир решил записывать в привезенный с собой журнал, в который ранее предполагал вносить интересные случаи из своей врачебной практики. А так как работа с душевнобольными ему была неинтересна и носила временный характер, то и записей в журнале пока не было.

6

Улицу освещала лишь красноватая луна, холодно глядевшая на Владимира с темных небес. Он предчувствовал надвигающуюся опасность и настороженно поглядывал по сторонам. В темноте выстроившиеся с обеих сторон улицы дома виделись ему чудовищами, затаившимися и подстерегающими неосторожного путника.

Позади послышался стук копыт по мостовой. Владимир оглянулся и ничего не увидел – улица была пуста, а стук копыт и скрип колес становились все громче, они раздавались уже за спиной!

Владимир готов был броситься бежать, но куда и от кого? Вновь оглянувшись, он увидел черную карету, запряженную шестеркой черных лошадей, еще миг – и они наедут на него! Экипажем правил кучер в черном балахоне с остроконечным капюшоном, скрывающим лицо. Спасаясь, Владимир бросился в сторону, к ближайшему дому, и буквально вжался в стену.

Однако карета остановилась. Ее окна были плотно занавешены. С запяток кареты, предназначенных для грума, соскочил на землю молодой человек в желтой ливрее. Он приглашающим жестом распахнул дверцу кареты, но внутри было еще темнее, чем снаружи, и ничего нельзя было рассмотреть.

Владимир стоял не двигаясь, страх парализовал его.

– Чего вы стоите – вас ожидают! – прикрикнул на него грум, и Владимир узнал его – это был тот самый молодой человек, в аутопсии тела которого он принимал участие.

Сомнений в этом не было – под подбородком у него виднелась рана, зашитая грубыми стежками. Он что, мертвец?!

– Конечно мертвец! – Грум осклабился. – А кого вы хотели увидеть в свите ясновельможного? Садитесь быстрее – это такая честь!

– Но я ведь живой!

– Не переживайте, это поправимо! – «успокоил» его грум.

– Уезжайте! Я не сяду в карету! – истерически крикнул Владимир.

– За вас уже все решено! – Грум осуждающе смотрел на него. – Вы этим делаете себе только хуже!

Владимир увидел, что темнота внутри кареты сгустилась, приняв неясные очертания фигуры, а он оказался сидящим рядом с ней. Владимир почувствовал, как леденящий холод охватывает его тело, сердце сжалось, и он в ужасе закричал…

Владимир очнулся в постели в своем гостиничном номере и не сразу пришел в себя после кошмарного сна. Уже было утро, солнечные лучи проникли в номер, изгоняя из него дурман недавнего сновидения.

«Неужели я такой впечатлительный? На новом месте кошмары снятся один за другим, передавая в фантасмагориях недавние впечатления. Странная черная карета, ездящая по ночным улицам, тело убитого молодого человека, даже персонажи и события книг – все это нашло отражение в сновидениях. Наверное, следует перед сном принимать успокоительные порошки».

После работы Владимир решил, как и планировал, нанести визит адвокату Семыкину, рассчитывая, что тот расскажет ему много интересного о Дунине-Борковском. Улица Малоречковская, на которой жил адвокат, находилась на левом берегу Стрижня, сразу за Красным мостом. Когда нанятый экипаж проезжал по мосту, Владимир вспомнил, что именно здесь было покончено с упырем, и попросил возницу остановиться. Владимир вышел из экипажа и с любопытством осмотрелся.

От рябого портье в гостинице Владимир узнал, что когда-то на этом месте находилась Гноевая дамба, построенная из конского навоза, соломы и глины, но однажды ее снесло весенним паводком, и после этого тут был построен деревянный Красный мост, название которого означает не цвет, а то, что он «красивый». По легенде, в этом месте упырь со своей свитой свалился в реку и

исчез навеки. В этом месте река была не настолько глубокой, чтобы скрыть в своих водах карету. Но события, о которых говорилось в легенде, происходили двести лет тому назад, и тогда она могла быть более глубоководной.

Стрижень в этом месте сужался, словно горло бутылки, и был шириной метров десять, а вот выше по течению он раскинулся значительно шире. Вода не отличалась чистотой, как быстрая Десна, берега были высокими и густо поросшими кустами и деревьями. Речка вызывала чувство брезгливости, нечистоты и враждебности. Было в ней нечто отталкивающее, несмотря на вроде бы живописный вид. А может, на восприятие Владимира повлияло то, что он узнал о найденных в грязных водах этой речки мертвых телах? Он вернулся в экипаж, и тот сразу тронулся.

Адвокат жил в большом двухэтажном доме, крышу украшали две остроконечные псевдобашенки, а фасад – замысловатые изображения мифических существ.

«Для проживания одного человека дом великоват», – подумал Владимир. Парадный вход с мощными двухстворчатыми дверьми украшали две колонны, на капителях которых примостились мощные атланты, поддерживающие портик. Все это говорило о том, что адвокат очень состоятельный человек и привык воплощать в жизнь свои причуды.

Дернув за шнурок звонка, Владимир услышал, как за дверьми мелодично зазвенел колокольчик. Открыла молодая симпатичная горничная с лукавым взглядом зеленоватых, как бирюза, глаз, в кокетливом белоснежном накрахмаленном переднике.

– Здравствуйте. Вам назначено? – деловито поинтересовалась она, и ее тон говорил о том, что здесь не жалуют неожиданных визитеров.

Владимир смешался, он не знал, как поступить – уйти или настоять на том, чтобы о нем доложили адвокату.

– Петр Семенович приглашал меня зайти как-нибудь вечерком, не назначая конкретную дату.

– Как прикажете о вас доложить?

Владимир протянул свою визитную карточку – недавно он заказал их на всякий случай. Мельком взглянув на нее, горничная впустила его в прихожую и отправилась докладывать хозяину. Вернулась она не одна, а с Петром Семеновичем с сияющей улыбкой.

– Очень рад, Владимир Иванович, что наконец решились меня навестить! Приятная неожиданность!

– Как я понял, надо было заранее сообщить о своем визите, – не удержался от колкости Владимир.

Петр Семенович шутливо погрозил пальцем горничной, которая никак на это не отреагировала.

– Клава опекает меня, ограждает от клиентов, являющихся в неурочное время, – пояснил он. – Но это не касается друзей – для них мой дом открыт в любое время дня и ночи! Что мы стоим в прихожей – милости прошу в дом!

Клава приняла у Владимира шляпу и трость, изобразив вежливую улыбку. «Судя по всему, полномочий в этом доме у Клавы больше, чем у обычной горничной», – сделал для себя вывод Владимир.

Они прошли в огромную светлую гостиную с новой мебелью красного дерева, обитыми приятной светло-зеленой тканью стенами. Петр Семенович усадил Владимира за длинный овальный стол, накрытый плотной темно-бордовой скатертью. В углу комнаты начиналась лестница, ведущая на второй этаж.

– Владимир Иванович, не будете возражать, если, пока нам приготовят чай, мы пропустим в качестве аперитивчика по стопке-другой вишневой наливки? Вишня из моего сада, напиток изготовлен по старинному казацкому рецепту.

– Благодарю, с превеликим удовольствием. – Владимир с любопытством осмотрел комнату. – Похоже, вы здесь недавно живете?

– Вы правы. Раньше я жил на Преображенской, снимал квартиру в доходном доме, пока не решился обзавестись собственным жильем. На этом месте была халупа, и я купил практически землю и построил новый дом. Это весьма

интересное место, раньше оно называлось Немецкой слободкой, однако немцы никогда тут не жили. После Полтавской битвы царь Петр поселил здесь шведов, взятых в плен, они тут обжились, многие из них не уехали отсюда, когда появилась такая возможность, обзавелись семьями. Край наш благодатный, не сравнить со Шведской землей.

За чаем Петр Семенович расспрашивал Владимира, как он устроился, доволен ли работой, какое у него впечатление о коллегах-врачах, имеются ли проблемы. Вспомнил, что обещал помочь с жильем.

– Не желаете ли, Владимир Иванович, пожить у меня? – неожиданно предложил Петр Семенович. – Места в моем доме более чем достаточно, и мне будет приятно ваше общество. Можете занять гостевую комнату, на жилье вам не придется тратиться. И мне будет веселее, а то по вечерам обычно приходится общаться только с Клавой. Впрочем, порой гости меня навещают.

– Благодарю, но я, пожалуй, откажусь. Да и проблем с оплатой жилья у меня нет.

– Простите, если я вас невзначай обидел. Предложил от чистого сердца и прошу не спешить с ответом, подумайте.

Они продолжили беседу, и Владимир рассказал, как участвовал во вскрытии очередной жертвы неуловимого и загадочного убийцы.

– Город у нас тихий, грабежи и воровство редко случаются, а тут убийство, и не одно! – горестно вздохнув, промолвил Петр Семенович. – Что за душегубец у нас завелся? Не иначе как из пришлых – город хоть медленно, но разрастается.

– Знать бы, для чего убийца обескровливает тела жертв, тогда его было бы проще вычислить, – задумчиво произнес Владимир. – Возможно, это ритуальные убийства. Или казнь. У древних римлян была «гуманная» казнь для аристократов – осужденному вскрывали вены в бане. А вот у скандинавов, у викингов, совершая жертвоприношения варварским богам Тору, Одину или Фрейру, жертве перерезали горло. Затем обескровленное тело вывешивали в священной роще.

– Все тела погибших нашли в реке Стрижень, – заметил адвокат. – Река – вполне подходящее, сакральное место для жертвоприношения. А вот казнь отпадает: жертвы – совершенно разные люди, и я не уверен, что они были знакомы.

– Нелегко будет господину Катасонову найти убийцу, – сказал Владимир и перевел разговор на интересующую его тему: – Недавно я услышал легенду о черниговском вурдалаке.

– Дунине-Борковском? Как он разъезжал в черной карете и губил людей, попадавшихся ему на пути?

– Хотелось бы узнать о нем больше. Он вроде бы реальная историческая личность?

– О жизни Василия Касперовича Дунина-Борковского сохранилось мало достоверных сведений. Известно, что он из польского шляхетского рода. Его отец, Анджей Каспер Дунин, был полковником королевских войск, владел на Черниговщине селом Борковка. В те времена, когда началось восстание под предводительством Богдана Хмельницкого, Василию было около десяти лет, и он остался круглым сиротой. По одной версии, его родители и сестра погибли во время набега соседей-шляхтичей, позарившихся на их богатство или имение. По другой – набег совершили казаки, они беспощадно расправились с семьей ненавистных поляков-католиков. По-третьей – его отец погиб, участвуя в одной из битв с казаками Богдана Хмельницкого, а мать и сестра были убиты казаками во время взятия Нежина, где они укрывались. Василию тогда удалось убежать. Дальше снова все туманно, есть разные версии того, как складывалась впоследствии его жизнь. Предполагают, что Василия приютила семья сестры его матери, православная. Сестра была замужем за казацким сотником. Есть упоминание о его старшем брате Юрии, который, как и он, стал казаком, был бунчужным и Василия пережил. Но я думаю, что это был не родной брат, а сводный, из приютившей его семьи. О ней, опять же, достоверно ничего не известно. Возможно, Василя взял к себе, в православную семью, двоюродный брат его отца – Семен Дунин-Борковский, который с самого начала участвовал в восстании Богдана Хмельницкого и командовал полком. В письменных источниках нет сведений о том, кто именно усыновил Василя, а позднее отправил учиться в Киево-Могилянскую академию, кто принимал деятельное участие в его судьбе. Даже некоторые его современники недоумевали, откуда он вдруг появился в почти тридцатилетнем возрасте, словно черт из табакерки. – Адвокат сделал многозначительную паузу. – Война – это всегда ужасно, и горе побежденным! В той войне, как и в любой другой, было много жестокостей с обеих сторон, лились реки крови, случалось, что близкие родственники оказывались во враждующих лагерях. Воюющие на стороне Речи Посполитой беспощадно расправлялись с пленными казаками, подвергали их

мучительным казням, разоряли православные храмы, там устраивали униатские и католические церкви. Наверное, вы читали роман Сенкевича «Огнем и мечом»?

– Да, читал. – Владимир кивнул. – Там есть ужасные сцены…

– Так же, как шляхтичи, казаки люто расправлялись с пленными и, бывало, чего греха таить, с членами их семей. В составе казацкого войска были наемные татары, те не жалели ни старого, ни малого, брали в плен, если рассчитывали получить выкуп или продать в рабство на невольничьем рынке в Кафе. После того как погибли родители и сестра Василия, о его жизни на протяжении нескольких лет достоверно ничего не известно, кроме того, что он учился в Киево-Могилянской академии. Не исключено, что он был знаком с Иваном Мазепой, также учившимся в академии в тот период. После двенадцати лет учебы – снова все туманно, неизвестно, где он был, что делал. Возможно, много путешествовал. В 1667 году, в возрасте двадцати семи лет, он был чрезвычайно образованным человеком, знал двенадцать иностранных языков, которые вряд ли мог выучить в академии. Это было время Андрусовского перемирия, по условиям которого Украина разделилась на Правобережную и Левобережную. Василий резко меняет свою жизнь, принимает православие, вступает в казачье войско и вскоре женится на дочери выбельского сотника. И тут снова начинают происходить удивительные события, сопровождающие Дунина-Борковского всю жизнь. Вскоре после женитьбы Василия его тесть отказывается от должности сотника и уходит в монастырь. Его преемником на весьма значимой выборной (!) должности сотника становится Василий Дунин-Борковский – хотя он без году неделя как стал казаком, и было неизвестно, участвовал ли он в каких-нибудь битвах. К нему благоволил гетман Демьян Многогрешный, можно предположить, из-за его ума и знания языков.

– Похоже, жизнь этого казацкого старшины – сплошная тайна, – заметил Владимир.

– С этого времени начинается стремительное восхождение Дунина-Борковского по лестнице казачьей иерархии. В те времена даже просто грамотного человека было сложно сыскать, так что, возможно, благодаря своей образованности Дунин-Борковский сразу становится заметной фигурой в ближайшем окружении гетмана Демьяна Многогрешного. Он получает от гетмана право на владение своим родовым поместьем на Черниговщине, подтвержденное царем. Однако через какое-то время он предает Многогрешного, переходит на сторону Ивана Самойловича, которого вскоре избирают гетманом. В награду малоизвестный

сотник становится черниговским полковником и получает полную власть над десятками сел и местечек. Полковник Дунин-Борковский, проявляя решительность, с помощью своего полка и отряда московских стрельцов в Батурине вынуждает капитулировать гетмана Дорошенко и тем самым окончательно завоевывает доверие гетмана Самойловича. Дунин-Борковский, находясь в ближайшем окружении гетмана, многократно увеличивает свои владения. Как только Самойлович перестал крепко удерживать в своих руках гетманскую булаву, наш славный полковник принимает самое деятельное участие в лишении его гетманства – пишет на него донос царице Софье. К этому времени Дунин-Борковский был уже на второй по значению после гетмана должности в казачьем войске – генерального обозного, ведающего артиллерией и снабжением войска. И снова легенда, а может, быль. При выборах гетмана царский воевода Бутурлин, который имел решающее слово, предложил ему гетманство за десять тысяч червонцев, но тот пожадничал, и булаву купил Иван Мазепа, одолжив требуемую сумму у того же Дунина-Борковского. – Адвокат снова сделал многозначительную паузу. – Но, может, не жадность заставила Дунина-Борковского отказаться от гетманства, а тонкий расчет? Иван Мазепа пользовался непререкаемым авторитетом среди казаков, так зачем же получать непрочную власть и влиятельного и опасного недруга? Благодарный гетман Мазепа не только сторицей вернул долг Дунину-Борковскому, но и помог ему многократно увеличить свои владения.

– Хитрым и изворотливым политиком был Дунин-Борковский, но как же он получил клеймо упыря-кровопийцы? – продолжал недоумевать Владимир.

– Дунин-Борковский был крайне жесток и жаден, использовал для утех чужих жен и дочек. Забавлялся тем, что наряжал посполитых[12 - Посполитые – крестьяне Левобережной и Слободской Украины, которые не несли постоянно воинскую службу, но могли быть мобилизованы в подразделения местной самообороны (земские хоругви) при всеобщей мобилизации.] в медвежьи шкуры и травил их свирепыми собаками. В то же время, как утверждают официальные источники, он не жалел своих личных средств для восстановления и постройки церквей. Ведь черниговские церкви и соборы сильно пострадали во время польского владычества, были разграблены, и большинство из них были превращены в костелы. В Чернигове на средства Василия Дунина-Борковского были построены Вознесенская и Петропавловская церкви, кельи Елецкого монастыря, отреставрированы Успенский и Спасо-Преображенский соборы. Он пожертвовал много золота и серебра на устройство богатых алтарей в них, словно хотел искупить свои ужасные грехи. За ним стали замечать странности: несмотря на то что Дунин-Борковский был человеком верующим, в церковь он

перестал ходить, в последние годы жизни в дневное время не появлялся на людях, вел в основном ночной образ жизни. И внешне он изменился. У него стали непропорционально большими руки и ноги, а также черты лица, особенно нос, а в чрезмерно широком рту стали видны зубы, похожие на клыки. Вы читали повесть Гоголя «Страшная месть»?

– Это один из моих любимых писателей, я все его произведения читал.

– Существует версия, что в этом рассказе в образе колдуна Гоголь изобразил Василия Дунина-Борковского.

– Да, странная личность… Но, возможно, все это имеет вполне реальное объяснение: он был болен, – предположил Владимир. – Например, при проказе человек становится уродливым. Отсюда и его нежелание появляться на людях днем. Человек он был богатый, наверное, имел в своем поместье часовню, где отправлял службы священник, и не было необходимости ходить вместе со всеми в церковь.

– Такое возможно, – согласился адвокат. – Но мы можем лишь строить догадки, а как все было на самом деле, не узнаем.

– Легенды не имеют исторического обоснования, – с сожалением произнес Владимир. – Хотя дыма без огня не бывает, правда? Они же не на пустом месте возникли.

– Обоснования того, что Василий Дунин-Борковский и в самом деле был упырем? – Адвокат снисходительно улыбнулся. – Вы предполагаете, что живые мертвецы существуют?

– Упаси Господи! Как вы могли такое обо мне подумать? Конечно я не верю в живых мертвецов. Но есть люди страшнее сказочных монстров. Недавно в Киеве наделала шума история, которую пыталась замолчать полиция. В одном из пирожков, купленных на Галицком рынке[13 - Официальное название рынка, прозванного в народе Еврейским (Евбаз). Снесен в 50-х годах прошлого века.], обнаружилась часть фаланги человеческого пальца с ногтем. Были задержаны торговка, продававшая пирожки, и ее сожитель. Выяснилось, что они убили своего приятеля и уничтожили труп, пустив его на мясо для пирожков. Сами употребляли это мясо и даже сделали кровянку из крови приятеля. Ведется

следствие, и пока неизвестно, был ли это у них единичный случай убийства и каннибализма.

– Брр! Какой ужас! – Адвокат скривился от омерзения. – Я понимаю, о чем вы говорите, но ничего такого о Дунине-Борковском не известно. Разве нормальный человек способен на гнусность, подобную той, о которой вы только что рассказали? Я вновь подумал об ужасных убийствах в нашем городе – может, их совершил психически ненормальный человек без всякого мотива?

– Вы правы! – Владимир продолжил его мысль: – А если предположить, что в результате тяжкой психической травмы у человека развилось психическое заболевание и он примеряет на себя облик известной ему личности и старается действовать подобно ей? Известны случаи, когда душевнобольные считали себя Наполеонами, Чингисханами, Македонскими.

– Вы снова возвращаетесь к легенде о Дунине-Борковском? Считаете, что эти убийства совершил психически больной, возомнивший себя ожившим упырем?

– Эта версия объясняет, почему тела жертв обескровлены.

– Вполне может быть! – загорелся Семыкин и даже привстал со стула. – Вам следует немедленно поделиться своей версией с господином Катасоновым! Думаю, вы найдете нужные слова для ее обоснования. – Адвокат улыбнулся и с интересом посмотрел на Владимира. – Теперь я понимаю, почему вы так заинтересовались легендой и личностью Василия Дунина-Борковского. Выходит, это не простое любопытство, вы пытаетесь ухватиться за ниточку, которая должна привести к убийце?

– Вроде того. Если мое предположение верно, то это психопат, и он не в один миг возомнил себя восставшим из могилы упырем или его новой ипостасью. Психическое заболевание, как и любая болезнь, не возникает спонтанно и мгновенно, а развивается поэтапно. Думаю, что психопат вначале собирал сведения о Дунине-Борковском где только можно, и я хочу пройти по его пути. Где он мог получить информацию о Дунине-Борковском, кроме как услышав от кого-нибудь одну из легенд?

– У следователя Катасонова появился новый помощник! – Адвокат усмехнулся. – Попробуйте сходить в городскую библиотеку и музей имени Василия

Тарновского, там обязательно что-нибудь найдете. Других подходящих мест я не знаю.

– Благодарю за совет. Обязательно это сделаю в ближайший выходной.

– Вы так подробно расспрашивали о Василии Дунине-Борковском и не поинтересовались его потомками, – заметил Семыкин, лукаво глядя на Владимира.

– Среди них были интересные или странные личности? – разволновался Владимир.

– Известных личностей в роду Дуниных-Борковских немало, они прославились разными делами и разбрелись по всему миру. До недавних пор в Чернигове проживал его прямой потомок Иван Яковлевич[14 - Иван Яковлевич Дунин-Борковский (1832–1902) занимался благотворительной деятельностью в области образования, за свои средства построил здание реального училища, выплачивал стипендии, оказывал помощь учебным заведениям. Общая сумма его пожертвований на образование в Чернигове при жизни и завещанных после смерти составила более 1,4 миллиона рублей.]. Он был очень богат, жертвовал значительные суммы на благотворительные дела, но одевался весьма скромно, донашивал старые вещи. Встретив на улице, из-за неприглядного вида его вполне можно было принять за бедняка, а не за обладателя миллионного состояния. Даже малой толики тех средств, которые он ежегодно тратил на благотворительность, хватило бы для восстановления их родового дворца, который сохранился до наших дней, а он жил в обычной квартире.

– Дворец Василия Дунина-Борковского сохранился? – поразился Владимир.

– Вы представили себе средневековый замок вроде того, в котором жил Дракула? – Семыкин рассмеялся. – На самом деле это всего лишь большой, просторный дом[15 - Перестроенный дом Василия Дунина-Борковского сохранился до наших дней, находится на ул. Шевченко, на территории воинской части.], которому позднее потомки Василия Дунина-Борковского придали вид небольшого дворца, пристроив флигели и установив колонны у входа. Там имеются огромные подвалы, по одной из легенд, оттуда по подземному ходу, прорытому под Десной, можно было попасть на другой берег. Видимо, воспоминания о кровавых событиях в детстве, когда в один миг все рухнуло,

заставляли его постоянно беспокоиться о своей безопасности. Ведь давно известно, что чем выше поднимаешься, тем не только больнее падать, но и больше шансов упасть. Если вы чуть дальше проедете, то по правой стороне увидите этот дом – пустой, покинутый, разрушающийся.

– Почему же так случилось?

– В этом виновен старший брат прадеда Ивана Яковлевича, умерший задолго до его рождения. Вот он мог претендовать на роль упыря или просто злодея. О нем почти ничего не известно, кроме того, что он был крайне нелюдимым человеком, то ли вообще нигде не служил, то ли был уволен, конечно же, не за хорошие дела. После смерти отца стал один жить во дворце, изгнав оттуда всех домочадцев. Затем женился. Слуги из дворца, а это были времена крепостного права, по секрету рассказали своим родственникам в селе, что там происходит что-то ужасное. Слышали они страшные крики, доносившиеся из подвала, а молодую жену пана в глаза не видели. Слухи об этом быстро распространились в округе. Стали пропадать люди в окрестностях Чернигова, говорили, что перед этим каждый раз видели черную карету этого пана. Послали к нему урядника с полицейскими, чтобы выяснить, что там происходит. Обнаружили тело его жены, скончавшейся от анемии и превратившейся в мумию, а хозяин дворца исчез. Что там еще обнаружили, неизвестно, знавшие всю правду его ближайшие родственники предпочли сохранить это в тайне, даже от своих детей. Зато поползли слухи, что, увидев полицейских, бежал этот страшный пан через подземный ход под Десной, пообещав слугам вернуться и отомстить. Впоследствии жизнь в этом дворце у представителей рода Дуниных-Борковских не заладилась, все они предпочитали жить в других поместьях, благо, их было предостаточно. А Иван Яковлевич, став владельцем этого дома-дворца, вообще не бывал там, но и продать его не захотел, говорил, что с ним связана страшная тайна. Умер он бездетным, жены не имел, большую часть состояния завещал на благотворительные цели, а дальним родственникам оставил совсем немного. Умер Иван Яковлевич восемь лет назад, кому сейчас принадлежит этот дом-дворец, мне неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Черниговский окольный град – самая многолюдная ремесленно-торговая часть города.

2

Выборная гражданская власть в Чернигове, но при верховенстве власти черниговского полковника. Имелась еще одна ветвь власти – назначенный царем воевода, в подчинении у которого находились стрельцы из Московского государства.

3

Евгений Базаров – персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

4

Так в Российской империи именовалась квалификация, полученная после обучения в высшем учебном медицинском заведении.

5

Персонаж романа Жюля Верна «Таинственный остров».

6

Филипп-Огюст-Матиас де Вилье де Лиль-Адан (1838–1889) – французский писатель и драматург.

7

Амброз Гвиннет Бирс (1842–1914) – американский писатель, автор юмористических и «страшных» рассказов.

8

Жорис-Карл Гюисманс (1848–1914) – французский писатель.

9

Роберт Уильям Чамберс (1865–1933) – американский писатель.

10

Имеется в виду старый Пассаж на Крещатике, 35, который имел выход на ул. Пушкинскую; он был разрушен в 1941 году.

11

Первозданный вид был возвращен ему, насколько это было возможно, в результате реставрации в 1960 году.

12

Посполитые – крестьяне Левобережной и Слободской Украины, которые не несли постоянно воинскую службу, но могли быть мобилизованы в подразделения местной самообороны (земские хоругви) при всеобщей мобилизации.

13

Официальное название рынка, прозванного в народе Еврейским (Евбаз). Снесен в 50-х годах прошлого века.

14

Иван Яковлевич Дунин-Борковский (1832–1902) занимался благотворительной деятельностью в области образования, за свои средства построил здание реального училища, выплачивал стипендии, оказывал помощь учебным заведениям. Общая сумма его пожертвований на образование в Чернигове при жизни и завещанных после смерти составила более 1,4 миллиона рублей.

15

Перестроенный дом Василия Дунина-Борковского сохранился до наших дней, находится на ул. Шевченко, на территории воинской части.

Купить: https://tellnovel.com/ponomarenko_serg-y/vurdalak

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити